

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 6/54

ИЮНЬ 1938.

№ 6/54

СОДЕРЖАНИЕ :

Гайдар Баммат — Армянские настроения.	Ш. Амiredжиби — Их “двадцать лет”.
Вл. Ахметели — Покаянное прошлое — радостное будущее.	Грузин — Полковник Коновалец.
В. Оленин — “Против фашизма и войны!”.	Алискант — Из весенних идилий.
Сурхай — Кавказ и державы в XIX в.	Тамбий Елекхоти — Исторические задачи Кавказа.
	Обзор печати.
	Хроника.

28 июня.

АРМЯНСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ПОСЛЕДНЕМ номере “Кавказа” мы привели обширные выдержки из армянской эмигрантской печати, посвященные армянской проблеме и позиции занимаемой нами в этом вопросе. занимаемой нами в этом вопросе.

В целях возможно полного и объективного освещения армянских настроений мы процитировали наиболее авторитетные органы партий, претендующих в настоящее время на политическое воз-

главене армянской нации. Таких партий две: “Достаточно хорошо знакомая всем нам кавказцам партия Дашнакцутюн, в которой, говорят, руководящую роль, как и впрошлом, играют кавказские армяне и партия “Рамкавар”, отражающая главным образом настроения армян, вышедших из Турции.

Воспроизводя без всяких комментариев порою совершенно неприемлемые по тону и инспирации статьи “Усабера”, “Пайкара” и “Апага”, мы выразили искреннее удовлетворение по поводу того, что армянская политическая общест-

венность отказалась от бывшего мутизма, который нас так обезкураживал несколько лет тому назад и уделяет теперь проблеме армяно-кавказских отношений должное внимание.

На страницах этого журнала, честно и нелицемерно служащего делу политического освобождения и внутренней консолидации народов Кавказа, подход к острой и большой армянской проблеме всегда был и останется сердечным и благожелательным... Ближайшие свидетели жестокой исторической драмы, выпавшей на долю армянского народа, мы отдаем себе отчет в сложности психологических комплексов, с которыми приходится считаться политическим вождям армянского народа при разрешении вопросов об ориентации и границах, которые вызывают сейчас такие страстные споры в кавказской политической эмиграции...

«Du choc des opinions jallit la verité», говорят французы. Пословица мудрая и справедливая. Однако, в том лишь случае, когда налицо подлинное идейное расхождение, когда стороны исповедующие разные взгляды одушевлены желанием понять и переубедить друг друга. Когда они верят в минимальную хотя бы искренность противника и полемизируют с тем, что этот противник действительно говорит и пишет, а не с тем, что они сами ему подбрасывают.

При наличии такой скромной дозы лояльности мы не склонны переоценивать значения случайных личных выпадов или отдельных резких выражений, которые в пылу дискуссии могут сорваться у наших антагонистов.

Мы охотно признаем, что некоторая темпераментность в защите своих тези-

сов и "сокрушении" противника порою сообщает политической дискуссии не лишнюю привлекательности остроту и живость. Здоровая полемика не только допустима, но и желанна.

Однако, есть известный предел, за который ни один уважающий себя орган печати не имеет права переступить. Предел, за которым всякая дискуссия делается морально невозможной и практически безцельной. Этого предела давно уже достигли некоторые органы грузинской эмигрантской печати, инспирируемой меньшевиками, не говоря уже о Мураватовском "Куртулуше", бывшем с начала своего появления простой литературной клоакой.

Мы очень боимся как бы эти дурные примеры не заразили и армянскую печать. Опасения эти вызывает у нас в особенности "Усабер".

Эта большая газета, являющаяся, как известно, одним из главных печатных органов партии "Дашнакцутюн", в номере от 12 января т. г., признала, что по вопросу о границах и ориентации, а также по вопросу о внутреннем устройстве будущей Кавказской Конфедерации, т. е. по всем наиболее жизненным кавказским вопросам, наш журнал "с первого же дня своего появления имеет свою ясную и определенную точку зрения".

Эту точку зрения "Усабер" тут же формулировал для своих читателей. И сделал это с безупречной точностью. За это мы искренно признательны "Усаберу".

Гораздо менее признательны мы ему за передовицу, помещенную на следующий день. В ней почтенная газета, отбросив сдержанный и достойный тон

предыдущей статьи, решительно становится на путь грубых передержек и скверно пахнущих инсинуаций. Так, говоря о позиции “Кавказа” в вопросе о турецко-кавказских границах “Усабер” заявляет:

«...Исключительно в этом только вопросе (Карсский договор) «Кавказ» не имеет ни единого слова критики по адресу советских властей... Подлежат пересмотру все договоры кроме Карсского. И понятно почему. Ведь говорить против Карсского договора — значит действовать против интересов Турции, а Баммат — этот «наиболее безнорыстный бедняк» среди кавказской эмиграции, стал «безвозмездным адвокатом» Турции, защищая своим гибким пером ее погранные права...»

Нужно ли напоминать читателям “Кавказа”, что никто и никогда на этих страницах не занимался реабилитацией Карсского договора. Никто и никогда не выступал и в качестве защитника “погранных прав Турции”. Для отстаивания своих интересов против притязаний армян, грузин и всего Кавказа, Турция располагает достаточно вескими аргументами и в “гибком перо” Г. Баммата отнюдь не нуждается.

Стремление во что бы то ни стало навязать нам эту смешную и неумную роль право же не свидетельствует ни об особенной изобретательности наших противников, ни о богатстве их аргументации.

Формулируя позицию “Кавказа” в вопросе о границах “Усабер” накануне писал:

«Этот орган защищает мысль, что кавказские народы по вопросу о границах должны исходить из того положения, которое существует сегодня (подчеркнуто «Усабером»). Более точно они должны

признать для себя обязательным и окончательным Карсский договор 13 октября 1921 г. Никаких территориальных претензий ни к Турции, ни к Ирану».

Ни одобрения, ни осуждения Карсского договора в этих словах, в точности отражающих нашу концепцию добросовестный читатель конечно не найдет.

Мы отлично понимаем, что в оценке Карсского договора мнения по ту и другую сторону границы сильно расходятся. Ни от кого панегириков этому договору мы не требуем. Но, однако, мы считали и считаем, что безусловное и безоговорочное признание созданного им “статус кво” сегодня обязательно для всякого кавказского патриота, который без задних мыслей, без тайных надежд на Россию, действительно жаждет свободы и независимости своей страны.

Ничто не вечно в подлунной и неизменных договоров в природе нет. Мы отлично допускаем возможность изменения и Карсского договора, но мы думаем, что пересмотр этого договора, отвечающий интересам Кавказа и прежде всего самих армян, может иметь место лишь в том случае, если Турция убедится, что исправление кавказской границы диктуется ее собственными интересами. А это по нашему глубокому убеждению может случиться тогда, когда между ней и Россией возникнет прочный барьер свободного и дружественного Турции Кавказа.

Кавказская конфедерация, ревниво оберегающая свою независимость от всякого внешнего вмешательства явится для Турции одним из важнейших факторов в системе ее собственной безопасности.

Политическая и экономическая жиз-

неспособность Кавказа, и прочность уз, связывающих его с Турцией окажутся в плане высших государственных интересов нашей южной соседки... и тогда и только тогда откроются перед нами перспективы, которых сейчас нет и быть не может.

Исходя из этих именно соображений, еще в апреле 1934 г., в статье «Кавказская Конфедерация и армяне», мы писали: «Предлагаемая нами форма конфедеративного устройства Кавказа, представляется нам единственной формулой, способной дать наиболее совершенное разрешение жгучей проблеме армяно-турецких отношений в настоящем и открыть широко двери для доверительной и дружественной постановки всех интересующих стороны вопросов в будущем»...

Этого взгляда мы держимся и сейчас.

**

Такой подход к проблеме турецко-кавказских отношений к сожалению оказывается не приемлемым для партии «Рамкавар», которая с делающей ей честь принципиальностью и прямолинейностью ставит вопрос, в совершенно иную плоскость.

В противоположность партии «Дашнакцутюн» эта партия не только является решительной сторонницей России, безразлично красной или белой, но открыто это «кредо» исповедует.

«...Если «Дашнакцутюн» на самом деле считает для себя невозможным антигосударственное и антиармянское изменническое умонастроение, он должен отказаться от lamentаций неслет абстрактной любви к Армении и переменить

свое враждебное отношение к советской власти, тем более, что и он, вместе с армянским народом убежден, что Армения не может существовать отдельно независимо, или под властью Турции, что она должна оставаться членом Советского Союза», — заявляет журнал «Пайнар», в номере от 20 февраля т. г.

Еще ярче и решительнее высказывается парижский орган партии «Апага»:

Достаточно недобросовестно приписав «находящейся под покровительством Кемаля Ататурка шайке Гайдара Баммата» самые черные замыслы в отношении Кавказской Армении, по адресу которой все наши органы не перестают демонстрировать чувства искренней дружбы и симпатии — «Апага» (19 марта 1938 г.) пишет:

«Если в Анкаре очень хорошо понимают, что в данный момент история дала неожиданную передышку Турции, которая не забывает своего прошлого и длившихся более двух столетий войн с Россией, то ведь мы тоже имеем право вспомнить наше прошлое, когда в полном сознании наших естественных прав на жизнь, мы стали, под руководством католикаса Нерсеса Аштаракского, авангардом продвижения России на Юг...» и дальше: «Советский Союз быть может уступит Украину, но он не уступит Бакинские нефтяные промыслы, которые снабжают Россию жизненной энергией и кровью. Гайдар Баммат признает, что русско-турецкая дружба не может долго длиться и предвидит столкновение в будущем. Армяне вольно или невольно будут увлечены течением, став авангардом происходящих движений (подчеркнуто нами).

Позиция партии Рамкавар, несколько цитированные журналы правильно ее отражают, не оставляет места для экивоков...

Гекатомбы трупов, и вынужденный исход из насиженных мест сотен тысяч несчастного армянского населения, ничему не научили ее. Она вновь готова сделать свою многострадальную родину плацдармом русской экспансии на Юг и идти войной в авангарде России, на этот раз не только против Турции, но и против своих кавказских соседей.

Если бы влияние этой партии на политическую жизнь Армении оказалось доминирующим, кавказские народы, в момент решительных событий на родине оказались бы между двух огней и были бы вынуждены подумать о том, чтобы соответствующим образом вести свою борьбу за освобождение.

Перспектива более чем мрачная...

Однако из напечатанного в том же "Апага" (12 марта) открытого письма г. А. В. на имя пишущего эти строки мы с облегчением узнали, что таковы, главным образом, настроения армян выходцев из Турции и что армяне, эмигрировавшие с Кавказа, а также партия "Дашнакцутюн" отнюдь не разделяют концепций "Пайкара" и "Апага". Правда, мой уважаемый корреспондент уверяет, что партия "Дашнакцутюн" и кавказские армяне "вовсе не есть армянский народ".

«Так довольствуйтесь кавказскими эмигрантами и оставьте в покое этот турецко-армянский народ со своим национальным вопросом, ведение которого мы не хотим передавать «эмигрировавшим с Кавказа», — советует нам г. А. В.

Смеем заверить г. А. В., что мы неуклонно будем руководствоваться его мудрым советом. Позволю себе заметить, что руководствовались мы им и до

появления в печати его открытого письма.

Автор этой статьи принадлежит к народу, судьба которого в некоторых отношениях аналогична с судьбой армянского народа.

Как и армяне, народы Северного Кавказа насчитывают в чужих краях сотни тысяч соотечественников, принудительно или добровольно эмигрировавших из родной страны во второй половине 19-го столетия.

Несмотря на всю горечь этой утраты и страстное наше желание видеть их вновь в нашей среде, в практических наших расчетах на будущее мы не можем не считаться с тем, что лишь самое ничтожное их количество — вероятно не больше 5-6 проц. — фактически вернется на родину.

Нам думается, что многотысячную армянскую эмиграцию ожидает та же участь.

С национальной точки зрения это, разумеется, большое несчастье. Но помочь этой беде едва ли возможно.

Мы, конечно, понимаем, что для армян, в особенности для армян турецких, очень трудно примириться с мыслью о неизбежности ограничить армянскую национальную проблему узкими пределами Кавказской Армении или даже всего Кавказа. Но и армяне должны понять, что для их кавказских соседей никакая иная постановка армянского вопроса объективно невозможна: для одних она политически не по силам, для других политически и морально неприемлема.

Мы считали долгом чести, долгом нашей совести, открыто сказать об этом армянам. Мы это сделали. Нам искрен-

но жаль, что лояльность наших побуждений и искренность наших чувств не были поняты и оценены армянской общественностью.

Переноса обсуждение армянской проблемы из абстрактного плана в плоскость реальных фактов мы естественно в гораздо меньшей степени считаемся с эмиграцией, как бы многочисленна она ни была, чем с фактической обстановкой и нынешними умонастроениями наших соседей армян на местах.

С этой точки зрения — и турецкие армяне за это не должны быть на нас в претензии — позиция если не всей партии “Дашнакцутюн”, то кавказских ее руководителей, сохранивших моральную, быть может и политическую, связь с реальной Арменией, с Арменией живущей и страдающей под советским игмом, представляет для нас значительно больший практический интерес, чем политические эмоции достойной всяческих симпатий аудитории, которую обслуживают “Пайкар” и “Апага”.

**

Но каковы же позиции партии “Дашнакцутюн” и армян, эмигрировавших с Кавказа, которых Рамковары отказываются признать “армянским народом”?

На этот вопрос, к сожалению, трудно дать определенный ответ. Правда, в последнее время ответственные представители партии “Дашнакцутюн” делали не мало публичных деклараций и в устной и в письменной форме, из которых можно заключить, что официально партия как будто стоит на платформе независимости. Нет оснований утверждать, что партия является и принципиальной противницей Кавказской Конфедерации. Од-

нако, позиция ее в этом вопросе остается очень расплывчатой и неясной. Можно догадываться, что восприятие идеи конфедерации, как лозунга практической армянской политики партия желала бы обставить некоторыми международными гарантиями, а главное обусловить признанием со стороны своих кавказских соседей формальных прав Армении на известные территории, как в нынешних границах Кавказа, так и вне их.

Во всяком случае, к нашей формуле конфедерации партия, повидимому, относится больше чем сдержанно.

“Пайкар” в цитированной выше статье от 20 февраля с удовольствием говорит о “возмущении издающейся в Египте дашнакской газеты “Усабер” статьями редактора журнала “Кавказ”. Но возмущение не есть политическое состояние ума и “Усабер” пытается иногда *sine ire et studio* разобраться в наших взглядах. Но как он это делает? Пытается ли центральный орган партии “Дашнакцутюн” оспорить правильность наших национальных установок? обличить ошибочность наших политических прогнозов? вскрыть слабость нашей аргументации?... Нисколько. В передовой от 14 января “Усабер” занят решением вопроса о том: “кто же руководитель “Кавказов”? Речь идет не об их формальном редакторе Гайдаре Баммате, а о настоящем хозяине этих органов печати, о том кому служит Баммат”.

На такие вопросы можно ответить лишь презрительным пожатием плеч... Очевидно дашнакской газете не приходит в голову, что подобный вопрос, с точно таким же правом, мы могли бы задать ей самой...

Раньше "Усабера" меньшевицкая и иная "прометейская" печать пыталась утопить нас в грязи своих инсинуаций, клеветы и доносов. Из этого ничего не вышло. Не выйдет ничего и в будущем. Мы без раздражения можем пройти мимо этой недостойной выходки.

"...Если бы у нас был точный ответ на этот вопрос, то мы легко могли бы определить нашу позицию. Баммат требует от нас иметь в виду только "что" и определить нашу позицию к его слову, не спрашивая, кто его настоящий автор, зная хорошо, что в политике каждое предложение получает вес постольку, поскольку имеет за собою силу", — продолжает дашнакская газета.

Идейное движение, возглавляемое "Кавказом" держится того мнения, что разрешение кавказской проблемы есть прежде всего дело самих кавказцев. Никакие внешние Кавказу силы не должны диктовать ему свою волю. Патриотический долг нашего поколения заключается в том, чтобы в сложной международной и внутри кавказской обстановке суметь провести в жизнь политическую формулу, продиктованную исключительно интересами народов Кавказа и склонить к ней те международные силы, которые, в силу тех, или иных при-

чин, могут оказать нам содействие в осуществлении наших национальных задач.

В противоположность "Усаберу", мы исходим из того убеждения, что доминирующее значение для нас должно иметь именно "что". А "кто" — уже есть производное и находится в зависимости от того, способно ли оно помочь нам реализовать это необходимое нам "что".

"Усабер" третирует нас очень с высока. Наши собственные мысли и наш подход к разрешению кавказских вопросов его не интересуют. С нами он готов разговаривать лишь в том случае, если у нас есть достойные его внимания покровители.

Только в этом случае он согласен определить свою позицию.

La plus belle fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a — говорит французская пословица.

Что делать, очевидно нам придется подождать того дня, когда, безотносительно к нам, естественным ходом исторических событий "Усабер" будет вынужден снять свою маску. — Что же — вооружимся терпением.

Гайдар Баммат.

В. АХМЕТЕЛИ.

Покаянное прошлое — радостное будущее

ПРОШЛО уже двадцать лет, как кавказские народы провозгласили свою мечтаемую ими национальную свободу; прошло почти столько же лет, как жестокий северный враг растоптал независимое государственное существование кавказских народов, и двенадцать миллионов людей обрел ярму московского гнета. Ярмо гнетущее и невыносимое! Возможно, что в прошлом кавказцы проливали количественно больше крови, больше было физических жертв, но беспримерна та моральная угнетенность, которую в настоящее время кавказцы испытывают от русского рабства. Этого нельзя прочесть ни в писанной истории Кавказа, ни в устной передаче веков.

Помрачают ум, убивают мысль, калечат самые деликатные чувства народа, истязуют духовную жизнь семьи, сеют вражду между детьми и родителями, словом, московские вожди вознамерились исторгнуть душу у нашего народа и превратить его в живой труп. Московские палачи духа твердо решили подвергнуть кавказские народы такой порче душевного здоровья, чтобы на его исцеление понадобились, по крайней мере, десятки лет. Вот их цель, вот символ их веры!

Но горько заблуждаются, тщетно мечтают об этом московские палачи души и тела! Кавказцы живут на Кавказе еще с незапамятных времен истории, много переносили невзгод, много ви-

дели вражеской жестокости, но не изменили своего облика, не забыли и в чистоте донесли до наших дней, как свои языки, так и свои обычаи. Душевное существо кавказцев, их любовь к своим свободам так тверды и вечны, как недоступные вершины наших гор, нежны и трепетны, как восхитительная природа. Аборигены Кавказа веками и бесзаветно отстаивали свое национальное "я" и подвиги каждого народа давно уже отмечены нестираемыми письменами.

Кавказские народы развеют и туман, поползший на них из Москвы, и они снова узрят национальную свободу. Недаром передана человечеству легенда о Прометее. Чтобы просветить и согреть мир, небесный свет и огонь Прометей принес именно в нашу страну. Этот луч и есть тот национальный дух, который всегда загорался в сердце Кавказца, чтобы защитить себя и сразить врага.

Мы уже сказали вскользь, что каждый из кавказских народов имеет блестящее прошлое, блестящую историю в деле защиты национальной свободы. Горцы, Армяне, Азербейджанцы, Грузины не щадили себя в этой борьбе и на алтарь своих свобод принесли неисчислимые жертвы. Им не в чем попрекать друг друга. Да и было бы полнейшим неприличием, чтобы ктонибудь из них возомнил себя первым среди остальных. Каждый из кавказских народов станет непременно первым в деле защиты своей

независимости, весь Кавказ, все его горы и доли орошены кровью кавказцев и недоимок ни за кем не числится.

Было и так, в веках, что аборигены Кавказа вели тяжбу и друг с другом, были и братоубийственные войны. Но все это было последствием коварных внешних сил, о чем каждый из кавказских народов должен вспоминать с сокрушением. Старые мрачные дни должны вспоминаться нами только с покаянием, и выдвигать их на первый план или для взаимных счетов — должно почитаться смертельным грехом. Покаянность в отношении прошлого, неповторимость старых ошибок, — вот что должно быть нашим кредо, лучом, освещающим дальнейший путь.

Для перечисления губительных явлений нет необходимости перелистывать страницы далекой истории Кавказа. Достаточно вспомнить и самое недавнее наше прошлое, чтобы окончательно убедиться, какой нанесли урон, каждому из нас и всем вместе, наша взаимная несогласованность и отсутствие идеи единого Кавказа. А меж тем, сущность этой идеи является, мы это повторяем еще раз, главным основанием, на котором должно строиться будущее счастье каждого из кавказских народов и целого Кавказа. В сегодняшних условиях совместное приятие и скрепление прочного союза между собой является необходимым для нас условием, могущим произвести должное впечатление и на внешний мир. Существование порознь, устройство отдельных государственных единиц, как это показало нам недавнее прошлое, было бы кратковременным. Враг обойдет нас весьма легко и завла-

деет нами порознь. Врагам Кавказа облегчило бы задачу его завоевания именно такое существование порознь. К этому стремился враг в прошлом, к этому будет стремиться и сегодня. Единство же наше могло бы явиться той крепостью, о которую разбились бы его намерения.

Отсутствие этого единства обрекло государственность кавказских народов на исчезновение. Одним ударом штыка враг уничтожил четыре наши республики, и ни одна из них не могла оказать должного сопротивления. Каждая из них свернулась в свои границы, прикрыла за собою ворота и лишь там она думала укрепляться. В те дни не слышно было мощного слова о необходимости единства, не было пророка, проповедующего это единство, и это и было причиной, что враг захватил нас каждого по очереди.

Трудно вспоминать об этом, горестно вспоминать это прошлое. Но отрадным нужно считать другое явление, которое будит в сердце надежды лучезарного будущего. К счастью, там, на Кавказе, после горьких смен, родилась идея — кость от кости и кровь от крови Кавказа — идея единства кавказских народов, идея единого их государства. У них другой заповеди и другого идейного направления нет. Им известна только стойкая борьба, облеченная в тайну, перед вражеским натиском. Они ведут вполне согласованную борьбу против русского господства, будь это на экономической почве, или нравственной, или на почве общеправительственных мер. Там нет места эмигрантской распыленности, безрассудной и безрезультатной склоке.

И там существуют только два лагеря: мы и они. Мы — это кавказцы, они — русские господа из Москвы. Меж этими двумя станами беспрестанная борьба, и в этой то борьбе и выковывается наше единство, идея независимого существования кавказских народов.

Пища, которой подкармливается сегодня проживающая в Европе кавказская эмиграция, для них горька, либо безвкусна. Напрасно полагают наши эмигрантские “бульвардье” из Парижа или Берлина, что их пререкания могут быть руководящими предпосылками для кав-

казских народов. Наше будущее куется там, контуры будущего наших народов тоже вырисовываются там, и им не нужны наши наставления, якобы правомочных для них господ.

Недавнее прошлое наводит их только на раскаяние. То, что двадцать лет тому назад являлось для нас помехой, для них уже вещь легко отстранимая и преданная забвению. Хватаются только за то и дорожат тем, что может выковыпать наше единство и наше совместное светлое будущее.

Вл. Ахметели.

В. ОЛЕНИН.

„Против фашизма и войны“

ДЕЛО не в том, какой режим лучше. На этот вопрос ответить сейчас трудно. Государственный строй так называемых демократий нуждается в каких-то очень серьезных коррективах, в приспособлении к новым задачам очень теперь осложненного властвования. Этого не станут отрицать самые убежденные и рьяные его защитники.

Фашизм еще тоже себя окончательно не нашел, — он несомненно в периоде формации, и разные народы по разному решают конституционную проблему своей новой государственности.

Аппарат власти парламентских режимов, условно называемых демократическими, слишком тяжел и сложен для той быстроты маневрирования, какая

сейчас требуется событиями. Нельзя правительству все время висеть на волоске, ежеминутно зависеть от часто случайного голосования, терять недели и месяцы на подробные объяснения и мотивировки своих решений, которые вдруг могут быть аннулированы большинством какого-нибудь одного, не туда поданного голоса. Свобода мнений и слова — это, конечно, очень заманчиво, — немудрено, что ею дорожат, — но для тех, кому приходится работать, делать дело, приказывать, реагировать возможно быстрее на новые события, — этот вечный перекрестный обстрел парламентской и газетной полемики чрезвычайно осложняет и без того трудную задачу каждого нынешнего правительства.

Вот почему, в ущерб демократизму и парламентским нравам, как только требуется быстрота ответственных мероприятий, каждый премьер-министр заявляет о необходимости предоставления ему особых полномочий, т. е. временно безответственного, авторитарного положения. Фашистские государства этот принцип поставили в основу своей конституции, возвели его в постоянный и непреложный догмат властвования, — вот почему они маневрируют так быстро, создавая новые факты, на которые «демократиям» приходится только реагировать.

Девятнадцатый век до самого своего исхода жил государственными понятиями, родившимися из большой французской революции, вернее из доктрин ее провозвестников и идейных зачинателей — энциклопедистов. Отдельных вдумчивых людей, сомневавшихся в этой доктринальной правде, принято было в прошлом веке считать чужаками, любителями парадоксов. Такова была, во всяком случае, общераспространенная психология большинства.

Но теперь понятия резко изменились, и большинство мыслящих уже вероятно не здесь.

Государству приходится все более и более регламентировать частную жизнь, стеснять частные интересы. То разделение властей и те права личной неприкосновенности, которые Монтескье передал континенту из английского государственного опыта, несомненно сейчас изживаются на наших глазах. Можно-ли теперь серьезно говорить, как о благе, о безусловной неприкосновенности частного жилища? Ведь это было-бы

только на руку всем врагам общественного благоустройства и мирного уклада жизни, начиная с идейных террористов и вплоть до похитителей детей ради выкупа.

И несомненно, чем меньше свобод — тем легче справиться с преступностью, тем яснее задачи полиции, тем проще их понимание.

Ведь в странах, так называемых демократических, получают порой удивительные, можно- даже сказать — нелепые комбинации. Идет, например, процессия заведомых врагов власти или происходит митинг открытых разрушителей государства, раздаются призывы к неповиновению, угрозы, — а полиция должна охранять неприкосновенность и революционную свободу этих глашатаев намечаемого переворота. Не удивительно, что эта полиция часто сама не знает, как быть: до какой черты позволено, и когда можно вмешаться.

Приходится, конечно, говорить обо всем этом только мельком, вырывая отдельные мысли и примеры. О соотношении фашизма и демократии можно читать двухгодичный курс лекций, издав их потом в двух томах. Но ясно, что фашизм — это попытка создания какого-то нового государственного строя взамен дряхлеющему, отстающему от жизни правоверному парламентаризму. Очень характерно, что фашизм в каждой стране — разный, свой собственный, представляя ту или другую комбинацию смешения авторитарности, активного единовластия с той или другой формой народной санкции, со многими или немногими пережитками былого государственного понимания. Но цель всегда та-же: обеспе-

чить действительное осуществление национально-государственных задач, путем нового, не стесненного старыми формами творчества, учитывая все недостатки и все ошибки прошлого.

Возьмем хотя бы такой пример, опять таки совсем вкратце. Когда не было законного права стачки, предприниматель как угодно эксплуатировал рабочего, который ради куска хлеба принимал любые условия. Отсюда противопоставление труда и капитала, а в дальнейшем Маркс и марксизм. Но когда стачка и забастовка вошли, как законные слагаемые явления в историю взаимоотношений, — это создало совершенно нелепую зависимость всего общества, всей нации от тех или других претензий группы рабочих к своему непосредственному предпринимателю. В Нью-Йорке прислуга под'емных машин в небоскребах желает получить какие то прибавки к жалованью, и забастовка делает жизнь почти невозможной для всех личных сношений жителей огромного города в его зданиях в несколько десятков этажей.

В самый разгар сезона бастуют служащие больших палас-отелей, лишая необходимых для дела прибылей все предприятие и тем подрывая в будущем собственное благополучие и возможность улучшения своего быта. Ясно, каким рычагом воздействия может оказаться такое право забастовки в профессиях, совершенно необходимых для поддержания нормальной жизни технически развитых, культурных стран. И как легко использовать это могучее орудие для целей вовсе посторонних данной категории работников, для целей чисто политических. Рабочие потому и оказываются ка-

кими-то контролерами государственной политики, — всякие демагоги от их имени давят на правительства, преследуя цели, профессиональным интересам совсем чуждые.

Фашизм, по мнению его руководителей, стремится раскрепостить рабочего, как от первой зависимости — от эксплуатации его предпринимателем, так и от зависимости частно-политической, от запрещенной в фашистских странах частной демагогии. Политика — прерогатива государства, власть которого выше отдельных категорий граждан, она и может и должна взять на себя права и обязанности верховного руководства и арбитража.

Раз'единению и борьбе классов фашизм противопоставляет национально-государственное единство. Ведь от каждого междоусобия, от каждого такого столкновения, от каждой такой забастовки страдает вся нация в целом. При правильном и широком понимании интересы предпринимателя и рабочих вовсе не противоположны, а наоборот — совпадают. Улучшать нужно свой быт не на взаимном ограблении, а на международной конкуренции, ради которой необходимо примирение и сотрудничество всех национальных сил — экономических, умственных, физических. Государственная власть регулирует интересы отдельных категорий и корпораций, по возможности удовлетворяя все разумные жизненные требования. Параллельно этому преследуются цели и морального перерождения и возрождения нации, как и новые начала воспитания молодежи.

Конечно, такая программа сложна и трудна чрезвычайно. То, что сейчас име-

нуется фашизмом, это еще не законченная, далеко не завершенная работа. Но в противоположность социализму, убивающему всякую инициативу, могущему жить и питаться лишь старыми соками и запасами, фашизм уже доказал свою живучесть, силу и творчество. Во всяком случае, независимо от результатов, задачи его серьезны и почтенны. Он себя не рекламирует панацеей от всех скорбей человечества, как это делает коммунизм, — он ищет, он пробует, он укрепляет свои позиции. Но он и не думает, подобно коммунизму, расшатывать социальный строй своих соседей. Италия не субсидировала фашистской революции в Германии; Португалия, Польша, Румыния, новые республики балтийские, дунайские и балканские страны — каждая по-своему, разочаровавшись в парламентаризме, выработали и продолжают выработать собственные формы, родственные фашизму. Но насильственно он никому не угрожает.

Почему же, тем не менее, надо во что бы то ни стало бить в набат на всех перекрестках: “долой проклятый фашизм”! И почему так называемый рабочий пролетариат в особенности яко бы заинтересован в борьбе с фашизмом?

Это производит такое впечатление, будто парламентские страны или так называемые демократии боятся какого-то обаяния фашизма, намеренно и вперед им запугивая. Если не правительства этих стран, то те левые демагоги, которые выносят резолюции от имени своей привычной клиентелы.

Если-б дело сводилось к борьбе с фашизмом у себя дома — это понятно. Каждая политическая партия, где существу-

ет их свобода, в праве бороться с враждебными или чуждыми ей течениями. Но борьба с фашизмом ведь переносится в международную плоскость. Это все равно, как если-б республиканские страны объявили священную борьбу монархическим.

Шаткость лозунга международной борьбы с фашизмом настолько самоочевидна, настолько подобный лозунг был бы неинтересен и незажигателен для рядового пролетария, что его неизменно соединяют с другим: “против фашизма и войны”.

Это уже дело иное. Если бы чужого, живущего за-границей фашиста надо было ненавидеть и сокрушать только потому, что он фашист, — немногие бы по настоящему заинтересовались таким призывом. Но фашист, оказывается, опасен еще и другим: он готовит всеобщую войну. Вот это, разумеется, интересно и важно всякому.

Каждый мирный обыватель рассуждает так: неужели же опять обще-европейская, а может быть и мировая бойня? Конечно, еще более страшная при современных орудиях разрушения, при нынешней авиационной технике. А ведь воспоминания прошлых страданий еще так отчетливо памятливы. Говорили тогда, что это последняя война, — неужели же опять?

Такие тревоги понятны и это захватывает каждого. Под резолюцией против войны каждый готов поставить свою подпись, каждый готов к ней примкнуть. И если действительно надо рядом объявить борьбу с фашизмом, каждый охотно подмахнет и это.

Стремление к сохранению мира, хотя

бы ценою значительных уступок, настолько сейчас велико в народных массах, что для поднятия этого упавшего духа воинственности, приходится прибегать к довольно удивительному приему, приходится вколачивать парадоксальную идею: "война против войны".

Все демагогические резолюции, все призывы к бдительной воинственной политике всегда аргументируются именно этим соображением: ради сохранения мира.

Поразительны эти настойчивые требования левых партий, выносимые от имени пролетариата. Надо для того вмешаться в испанскую междоусобную распрю, чтобы избежать войны, — надо для того поддерживать китайское сопротивление, чтобы избежать войны, — надо для того следить вооруженным глазом за каждым шагом господ диктаторов, чтобы избежать войны.

Казалось бы, логика совершенно абсурдная.

Самое понятие "коллективной безопасности" столь близкое сердцам всех искренних, а тем более притворных пацифистов, есть ведь в сущности ничто иное, как наивернейшее средство каждый местный конфликт, каждое столкновение соседей обратить в общую свалку, в международное побоище.

Государства живут, как живут организмы. Не может быть установлено для них раз и навсегда состояние какой то абсолютной статики. Одно из них может расти, увеличивая население, его силы и потребности, другое, наоборот, хиреет, проявляет признаки слабости, даже умирания. Те или другие территории, втуне лежащие, будут всегда представлять

приманку для деятельных и работоспособных соседей. Да это даже и не в интересах всего человечества, чтобы огромные пространства были почти выброшены из продуктивного оборота, благодаря отсталости населения и заведомой недобросовестности власти. И чтобы раз навсегда существующее право собственности почему-то охранялось, как святая. Государственные взаимоотношения эволюционируют, как и все на свете.

Коллективная безопасность, облюбованная пацифистами, есть вернейшее средство раздуть каждый неизбежный в мире частный конфликт, в мировую катастрофу. Если бы Лига Наций не оказалась такой разобщенной и слабой, а твердо проводила в жизнь принцип этой коллективной безопасности, давным давно бы уже началась мировая нескончаемая война. Манчжурия, Абисиния, Испания, Китай, присоединение Австрии — сколько уже было самых непреложных поводов для возникновения общего ужасающего побоища, и сколько еще неминуемо будет подобных же случаев, если только раз навсегда не отказаться от проведения в жизнь этой губительной формулы.

Война — это одна из форм борьбы за существование между государствами. Словами ее не уничтожишь, как не создашь такой международной полиции, что могла бы заставить подчиниться решениям. Да и как достигнуть этих общих решений, их единогласия? Всегда будут недовольные и союз этих недовольных, т. е. опять таки раскол и угроза войны, войны коалиций. Что и случилось в Лиге Наций.

Единственный способ избежать об-

щей бойни или, во всяком случае, перенести ее в далекое, непредвидимое будущее, — это решительно отказаться от того положения вещей, чтобы **всем** было дело до **всего**. Надо примириться с неизбежностью войны в том или другом месте и каждому сосредоточить внимание и принимать все меры, чтобы по возможности, без самой крайней нужды в нее не вмешаться. Пусть лучше здесь или там произойдет несправедливое, неоправданное нападение, — меньше прольется крови, если его игнорировать, чем делая каждый такой случай поводом общего вмешательства.

Трудно было и раньше верить в Лигу Наций, как в активный центр международной полиции, но столкновение с реальной жизнью окончательно уже рассеяло всякие иллюзии. Теперь рассчитывают лишь на прямые и непосредственные союзы и переговоры правительств.

И тем не менее в резолюциях левых партий, выносимых от имени неповинного в них пролетариата, продолжает еще фигурировать эта отжившая, уже теперь заведомо обманная формула: коллективная безопасность. И рядом с этим все воинственные призывы, все требования: не допустить, пригрозить, вмешаться, — всегда аргументируются: ради сохранения мира, ради избежания войны. Потому что только этот довод может претендовать на популярность.

Господа коммунисты, действующие по московским директивам, несомненно хо-

тят всеобщей войны ради конечных целей коммунизма, — не враждебны ей и многие лидеры социализма и вообще все сторонники социальных переворотов, а равно и деятели безответственной оппозиции, как и всякого рода международные авантюристы и из капиталистического, и из пролетарского лагеря, — но эту свою жажду кровавой победы, кровавого торжества и наживы, они непременно прикрывают аргументом “во имя сохранения мира”. Все те, кто органически враждебен фашистским режимам, кто их боится и хочет им гибели, опять таки присоединяют к словам “против фашизма” — призыв “против войны”! Каждый оратор, который хочет быть популярным и хочет, чтоб его слушали, должен начинать свою речь словами: “интересы сохранения всеобщего мира требуют...”.

И далее во всех левых резолюциях, яко бы соответствующих миролюбию трудящегося пролетариата и выносимых его именем, следует изложение такой именно программы, осуществление которой неминуемо привело бы прямым путем во всеобщему побоищу.

К счастью, есть один корректив, и немаловажный. Часто те самые люди, что выносят эти страшные резолюции, критикуя правительство, потом придя к власти сами, останавливаются в нерешительности перед возможными последствиями и меняют тон.

В. Оленин.

СУРХАЙ.

Кавказ и державы в XIX в.

III*)

АДРИАНОПОЛЬСКИЙ трактат утвердил окончательно влияние России на Балканском полуострове. Одновременно Россия расширила свои владения и на Кавказе присоединением Ахалциха и Ахалкалак.

Оба эти события открыли Турции глаза: Россия стремилась к утверждению своего владычества над проливами и Константинополем, с одной стороны, и к выходу через восточную Анатолию к Средиземному морю, с другой.

Не только Турция, но и Англия поняла, что единственным средством препятствия к дальнейшему продвижению России в Азии может быть только поддержание борьбы кавказских народов с Северной Империей.

В 1830-тых годах международное положение в Европе было неспокойное. Во Франции произошла революция, в Польше готовилось восстание. Франция соперничала с Англией и потому поддерживала Россию. Франция боялась больше всего сближения России с Австрией и Пруссией. Вся Европа дрожала перед перспективой всеобщей войны.

Такому положению вещей на Западе соответствовала слабость Турции и Персии. Это последнее государство не в состоянии было выступить в течение всего 19 столетия хотя бы раз против России.

Поэтому, с этой стороны Россия могла быть совершенно спокойной. Как известно, граница Кавказа с Персией с 1828 года остается неизменной и по сей день. Таким образом, во всех дальнейших событиях на Кавказе Персия не принимает уже никакого участия.

В Стамбуле влияние русской дипломатии было так сильно, как никогда. Сама Турция переживала все еще тяжелый внутренний кризис.

Поэтому Россия могла снова взяться за дальнейшее покорение Кавказа.

С этим именно периодом совпадает возобновление широких военных действий на Северном Кавказе и новая вспышка проповеди **газавата** против России. Питающим эту проповедь источником, наряду с свободолобием и патриотизмом горцев, оказался **тарикат**, которым пользовался для своих политических целей и шейх Мансур.

В смысле практического осуществления своих целей, тарикат породил мюридизм, возглавляемый пылким аварцем Кази-муллою и его сподвижниками Гамзат-Бекком и Шамилем.

Не будем останавливаться подробно на героической борьбе Кази-Муллы против России. Достаточно подчеркнуть, что этот поразительный по своей неукротимой энергии и по своим организаторским способностям предводитель горских народов пал жертвой изолирован-

*) См. «Кавказ» № 5/53.

ности Кавказа, а также общего политического положения в Европе и совершенного отсутствия всякой помощи Кавказу извне.

При более благоприятной международной обстановке Кази-Мулла сыграл бы несомненно большую роль в истории Кавказа, чем его последователи — Гамзат-Бек и Шамиль.

Не безинтересно заметить, что его поражение и смерть (в 1832 г.) совпадают с ликвидацией польского восстания.

Одновременно Россия повела наступление и на Западный Кавказ.

Когда, на основании адрианопольского договора Турция уступила России свои "права" на черкесские берега Черного моря, Петербург отказался от прежних своих попыток проникнуть на Кубань мирными средствами и стал применять силу, закладывая в тоже время так называемую "Черноморскую береговую линию".

Еще в 1831 г. русские построили форт в Геленджике. В том же году Россия запретила иностранным кораблям появляться без разрешения русских властей у берегов Черкесии. Корабли эти могли вести торговлю только в тех пунктах, где существовали русские форты. Это обстоятельство указывает на то, что русские не были тогда еще хозяевами всего побережья Черкесии.

Не довольствуясь этим, Россия распространила впоследствии (в 1832 г.) на названном побережье общий государственный тариф на торговые обороты с внешним миром.

Таким образом, Россия стремилась взять под свой контроль все сношения черкесов с иностранными державами.

При этом имелось, конечно, в виду главным образом изолировать с моря западный Кавказ и прежде всего отрезать его от Турции и Стамбула, откуда горцы получали оружие и порох.

Опасаясь контрабанды, русские убили также морскую торговлю в Мингрии, и следовательно торговлю всего Кавказа.

До этого времени Северный и Южный Кавказ были важными транзитными путями на Восток, к Каспийскому морю, в Среднюю Азию и Персию.

После 1832 г. этот транзит прекратился. Вместе с тем торговля Запада с Востоком избрала новое направление — через Трапезунд и Тавриз.

Такое поведение России в отношении страны, на которую она не имела никаких прав, — ни моральных, ни политических, — нарушавшее вместе с тем свободное плавание в восточной части Черного моря, не могло, конечно, не вызвать протеста со стороны наиболее заинтересованных государств, и в особенности Англии.

К тому же эта именно держава опасалась, что овладение целым Кавказом приведет Россию в Малую Азию.

Лорд Абердин писал в конце 1829 года английскому послу в Петербург, что Адрианопольский договор дает в руки России ключи в Персию и Турцию.

После неудачи польского восстания, в Западной Европе появляется многочисленная польская эмиграция, энергично выступающая в Париже и Лондоне в защиту Кавказа, так как она считает, что первым условием возрождения Польши является поражение России на Кавказе.

С другой стороны, эти же эмигрант-

ские круги рассчитывают на Турцию больше чем на европейские государства в своей борьбе с Россией, так как именно Турция вынуждена была в силу своего географического положения, защищать всеми средствами кавказские подступы к Малой Азии.

Не спали и сами черкесы. Посылали они делегатов в Стамбул, ища в Турции помощи против России. Эти же делегаты прямо или косвенно входили в сношения и с английским послом Понсомби.

Понсомби был ярким противником России, и поэтому в своих рапортах старался убедить лондонское правительство в необходимости поддержать черкесов в их борьбе и признать независимость Северного Кавказа.

В самой Англии крепили также черкесские настроения. Круги, интересующиеся кавказским вопросом, отправили в Константинополь Давида Уркварта, поддерживавшего приятельские отношения с польскими эмигрантами в Лондоне.

Со своей стороны посол Понсомби помог Уркварту совершить в 1834 г. поездку в Черкесию. Перед этой поездкой англичанин познакомился в Самсуне с представителем черкесов в Турции князем Сефер Заном, которому суждено было сыграть впоследствии значительную роль в войне на Западном Кавказе.

Сефер Зан снабдил Уркварта рекомендательными письмами.

Уркварт заявил вождям черкесов, что он является представителем английского правительства, хотя и не имел никаких официальных полномочий.

Доклад Уркварта о положении дел в Черкесии произвел огромное впечат-

ление на посла Понсомби. Однако, в лондонских правительственных кругах относились критически к самой возможности вмешательства Англии в русско-кавказскую войну.

Несмотря на это Уркварт вел в Англии энергичную и упорную пропаганду, требуя, чтобы Англия послала в Черное море против России свой флот. Благодаря статьям и брошюрам Уркварта общественное мнение не только Англии, но и всей Европы, начало интересоваться борьбой черкесов с Россией.

Пропаганда имела большой успех, особенно после инцидента летом 1835 года, с английской шхуной "Лорд Спенсер", задержанной русскими на широте Геленджика и доставленной в Сухум-Кале. Корабль продержали под арестом в течение двух дней. Владелец обратился к своему правительству с жалобой и потребовал вознаграждения за понесенные убытки.

Этот конфликт произвел тягостное впечатление в Англии. Общественное мнение вынудило правительство Пальмерстона к энергичному протесту в Петербурге. В английской ноте указывалось, что Россия может претендовать на владение только некоторыми пунктами на побережье, и что поэтому русские власти не имеют права мешать свободному плаванью у берегов Черкесии.

Россия заплатила требуемое вознаграждение, но блокаду все таки не сняла.

Так как инцидент с кораблем заставил английское правительство заинтересоваться кавказским вопросом, Уркварт решил вызвать умышленно новый конфликт.

По его настоянию английский купец Белл отправился в октябре 1836 г. на корабле "Виксен" к берегам Черкесии. При этом он совершенно не старался избегать встреч с русскими кораблями; доехал до места назначения и разгрузил товары. Однако, русский военный корабль задержал "Виксен" и отвел его в Севастополь. Владельца Белла и команду освободили, а корабль конфисковали.

Происшествие это вызвало бурю негодования в Англии и необычайную сенсацию во всей Европе.

На этот раз оскорбление английского флага привело к окончательному выяснению отношения Лондона к русским притязаниям на Кавказе. В переписке с Петербургом английское правительство защищало тезу, что Западный Кавказ является суверенным государством, и что поэтому Россия не имеет никакого права объявить и осуществлять блокаду или контроль над плаванием иностранных кораблей у берегов Черкесии.

Этот свой взгляд на кавказский вопрос английское правительство поддерживало в течение всего периода кавказской войны, а именно до 1864 г., когда главная масса черкесов оставила свою страну и переселилась в Турцию.

Вернемся однако к событиям на самом Кавказе.

В восточной части Северного Кавказа, по смерти на поле битвы Казимудлы, мюриды избрали своим вождем Гамзат-Бека. Новый имам не успел осуществить своих планов по организации власти и военных сил и пал от руки личных врагов, которые убили его в мечети в Хунзахе, во время молитвы.

После смерти, в 1834 году, Гамзат-Бека, власть перешла к Шамилю, посвятившему в первые годы своего имамства все внимание гражданскому управлению и организации военных сил, подготавливаясь к длительной войне с Россией. Русские, однако, не позволили ему довести до конца начатую работу и повели значительными силами наступление. В 1839 г. пал главный оплот власти Шамиля — Ахульго. Сам Шамиль спас жизнь и удалился с ближайшими своими сотрудниками в горы. Этим замыкается первый период его борьбы.

Ослабленный физически и разоренный войной Дагестан готов был примириться с русским владычеством. Россия сумела обещаниями, денежными наградами, чинами и орденами привлечь к себе симпатии части дворянства. По существу однако русская администрация применяла систему предательства, обмана и насилия.

В этом смысле самым ярким представителем русской власти на Кавказе был генерал Пулло. Его вполне заслуженно можно назвать учеником Ермолова.

Репрессии и злодеяния Пулло довели до отчаяния плоскостных чеченцев, которые восстали, ушли в горы к своим сородичам и призвали к себе Шамиля.

С этого времени война разгорелась с новой, небывалой силой.

Что же касается Западного Кавказа или Черкесии, то и здесь война не прекращалась ни на минуту. Борьбой этой со стороны горцев руководил так называемый "Братский Союз". Из членов этого союза особенно выделились князь

Балатоко Айтеков и кабардинец кн. Джанбулат Атажукин.

В 1835 году русские кордоны продвинулись значительно на юг, к Лабе. К этому времени "Союз" успел теснее связаться с восточными мюридами и с их предводителем Шамилем.

В 1837 г. власть союза распространялась на земли, расположенные внутри треугольника, составленного линией приморской, линией кавказской, в сто-

рону Эльбруса и от него линией, идущей к Сухум-кале.

Все члены союза, вербовавшиеся преимущественно среди дворян, приносили присягу, что будут они верны народному делу и до конца защищать против русских свою родину.

Сурхай.

(Продолжение следует).

ШАЛВА АМИРЕДЖИБИ.

Их „двадцать лет“

ПРОШЛО двадцать лет с того дня, как Грузия провозгласила свою независимость. Она оказалась кратковременной. Рожденная 26-го мая 1918 года, она прекратила свое существование 25 февраля 1921 года, раздавленная красной Россией.

Одной из причин такого быстрого падения независимой Грузии, или "грузинской демократической республики", как предпочитали называть ее меньшевики, было и то, что ею правили люди, неразрывно и годами связанные с тем "идеологическим" движением, которое, под боком у Грузии, на обширных равнинах России, насаждало "Великую Русскую Революцию". В этом "едином" историческом процессе, утрата Грузией своей независимости, внешне, выразилась в том, что одну общую "русскую"

партию меньшевиков сменила другая общая "русская" партия большевиков, по существу мало в чем друг от друга отличавшиеся. Это были партии, исповедующие, и тогда и теперь, одну общую марксистскую идеологию, имеющие одну общую революционную психику. Из одного общего революционно-меньшевицкого руслу — Грузия была переведена в другое общее революционно-большевицкое русло. Иное было национально-грузинское значение этой перемены — Грузия потеряла независимость! Но это никогда не было понято ни грузинскими большевиками, ни грузинскими меньшевиками — даже после катастрофы.

Касаясь в "Дамоукидебели Сакартвело" значения исторической даты 26-го мая, г. Жордания, тогдашний глава не-

зависимой Грузии и по старому вожде грузинских меньшевиков, сегодня как бы хочет сказать, что в этот день Грузия провозгласила не то, что свою независимость, а какой то особый "порядок", замечательный тем, что он был не чьей большевизму, и, следовательно Грузия потеряла не эту независимость, а, главным образом, этот "порядок", кстати сказать, целиком меньшевицкий. Г. Жордания доподлинно говорит, что если Грузия сумела об'явить свою независимость, то этим она обязана тому "порядку", который "на пространствах российской империи", существовал "в одной" лишь Грузии! Таким образом, нам как то рекомендуется думать, что на "пространстве российской империи" не было нигде не только "порядка", но не было независимости других народов и даже самых этих народов.

Подобная похвала по адресу Грузии простительна только такому юбиляру особенного "грузинского двадцатилетия", каким является г. Жордания.

Сколько было народов, провозгласивших, подобно Грузии, свою независимость, какой существовал у них "порядок" и как он был использован ими для независимости, об этом в точности можно судить именно теперь, спустя двадцать лет, когда одни из этих народов сохранили по сей день эту независимость, а другие утратили ее в самом зачатии. И нет сомнения, что "порядок", сопровождающий эти независимости, играл, при этом, главную роль.

Это было именно в те годы и точно на тех "пространствах российской империи", о которых говорит г. Жордания, когда, помимо Грузии, независимость

сумели провозгласить и такие страны, как Польша, Финляндия, Литва, Латвия и Эстония (не говоря о других кавказских народах, Украине и Туркестане!), и нужно полагать, сумели провозгласить и по той причине, что "порядок", очевидно, более действительный и стремление к независимости — более "культуривированное", существовали и у них. В этом тем более легко убедиться, что независимость провозгласили и сумели удержать ее до наших дней — именно Польша, Финляндия, Литва, Латвия и Эстония, которых автор, очевидно, причисляет к народам, не имевшим "порядка", а вовсе не Грузия жорданияевского "порядка".

Это стремление г. Жордания внушить кому то, что грузинская независимость вышла целиком из меньшевицкого порядка, на столько сильно, что, когда у читателя возникает естественный вопрос, отчего же погибла грузинская независимость, если "порядок" был такой замечательный, ответ идет сам собой, что ее с'ел волк! Г. Жордания этого волка и водит с собой. Этот волк — Россия! Что удивительного в том, что большая Россия с'ела маленькую Грузию?! Стало быть и крепкую грузинскую независимость и образцовый меньшевицкий "порядок" разгромила внешняя сила. Г. Жордания только ничего не говорит о том, как та же самая Россия хотела, еще в большей степени, разгромить ту же самую Польшу, Финляндию, Литву, Латвию и Эстонию, но народы, численно меньшие, чем Россия, отстаивали свою независимость. О "порядке", отстаивавшем независимость этих народов, г. Жордания ничего не говорит...

Таковы рассуждения г. Жордания. Истории, примеров других народов, сравнения их порядков и выводов, отсюда — для него не существует. Он только торопится, чтобы ослепительными примерами меньшевицкого порядка поскорее оглушить своего читателя и вызвать у него слезу умиления.

“Разве не было и у нас землевладельческого и безземельного сословия. Но они не вступили в рукопашную, не пролили братской крови. Классы и сословия стали выше своих интересов, и все добро и возможности принесли на алтарь национального возрождения. Кто не помнит незабвенного поступка дворянства, публично объявленного его предводителем кн. Абхази?”.

И тут г. Жордания вспоминает, как, действительно, грузинское дворянство, движимое историческим патриотическим чувством, все свое коллективное достоинство преподнесло в дар освобожденному народу, как “оно безропотно встретило аграрную реформу” (слова г. Жордания), кстати сказать, совершенно дикую и грабительскую.

Что и говорить, поступки были действительно патетические. Грузия, ее дворянство, весь ее народ всегда были такими. Это только теперь и в эмиграции нашлись бесчестные и невежественные лица, околпаченные теми же меньшевиками, доказывающие, что грузинское дворянство (“феодалы”) только и занималось в прошлом, что продавало и предавало Грузию. Князь Константин Абхази был поистине большой грузин. Он это доказал своей смертью. Луч, исходящий от него, освещает нам путь и сего-

дня. Таким воином Грузии был и Какуца Чолокашвили.

И чем же жорданиевский “порядок” отозвался на такой “незабываемый акт” кн. Абхази? Его партия пустила по всем Грузии красного петуха и дворян жгли и убивали чуть ли не в каждой усадьбе. Были случаи, когда уничтожались целые семьи, мужчины и женщины, и убитых запирали вместе с собаками. Это происходило в независимой Грузии, в эпоху жорданиевского “порядка”, когда существовал грузинский парламент!

Я это говорю не только теперь — об этом я писал в те позорные дни.

Князь Абхази, человек истинного долга перед своей родиной и отважный в такие минуты, вышел на трибуну этого парламента и сказал:

— Я спрашиваю грузинское правительство, — считает ли оно дворян Грузии своими гражданами и считает ли оно себя обязанным защищать их жизнь (об имуществе уже не говорилось!) или нет? Если правительство откажет нам в этом, то нам ничего не остается, как покинуть страну наших отцов!

Ему отвечал товарищ министра внутренних дел г. Гварджаладзе:

— Наша революция (“порядок” г. Жордания!) победоносна и в тероре больше не нуждается. То, что происходит у нас сегодня, есть месть за те притеснения, которые предки нынешних дворян веками причиняли крестьянству.

Таким образом г. Гварджаладзе не только подтвердил, что терор и терор самый свирепый действительно царил в Грузии, но и оправдал его. За “предков” должны были погибать потомки. Вряд ли в каком либо парламенте можно бы-

ло сказать подобную вещь... Но грузинский парламент был таков, что на его трибуну покойный Джугели всходил, имея сбоку маузер!

После речи г. Гварджаладзе из залы заседания кн. Абхази прямо пошел в канцелярию парламента и вручил парламентскому секретарю письменное заявление о том, что с этого дня он больше не желает оставаться членом парламента. Действительно, с этого момента нога кн. Абхази не переступила порога грузинского парламента.

Таков был тот "порядок", которым г. Жордания снова хочет умилять нас, даже спустя двадцать лет.

Его осудил именно тот человек, пред памятью которого вынужден снять шляпу сам г. Жордания. Но его жест не безкорыстен. Если меньшевицкий глава и говорит сегодня о дворянстве и о "незабвенном акте" кн. Абхази, то исклю-

чительно потому, что для сбора вокруг себя грузин ему нужны примеры подлинной грузинской доблести, черпать которые из истории своей собственной партии он не может.

В двадцатую годовщину провозглашения грузинской независимости не лишне было бы вспомнить, что меньше всех в этом деле заслуга принадлежит самому г. Жордания. Он не пожелал или не посмел, чтобы председателем первого грузинского правительства, был лично он. Первым грузинским премьером был покойный Рамишвили. Прошел месяц, "народная гвардия" свалила Рамишвили и привела к власти г. Жордания, своего председателя главного штаба. Так началось господство "народной гвардии", что скоро и привело страну к февральской катастрофе.

Ш. Амиреджиби.

ГРУЗИН.

Полковник Коновалец

РОКОВЫМ оказался приезд полковника Евгения Коновальца в Роттердам 23 прошлого мая, для свидания со своим знакомым украинцем Валухом. Валух только что прибыл из сов. Украины для доклада своему вождю.

Раньше также встречались с этой целью. Валух передавал ему пакеты, которые содержали или русский табак, или тамошние сласти. В этот раз он

передал того же вида пакет, только вместо прежних предметов в нем была положена адская машина или попросту бомба. Она взорвалась, как только Коновалец по выходе из кафе "Атланта" стал вскрывать полученный пакет. Коновалец стал жертвой взрыва.

Он накануне выписал из Праги своего сотрудника И. Барановского, который вылетел в последнюю минуту на

аэроплане, но не застал уже в живых своего вождя, повидимому не очень хотевшего одному встретиться с прибывшим земляком. Свидание было неожиданно назначено, и потому покойный не смог предупредить о нем своих. У Коновальца был обнаружен паспорт на имя Иосифа Новака.

Убийца исчез внезапно. Полагают, что он бежал на пароходе "Меньжинский", который, судя по портовым записям должен был выйти в плавание в четверг, а на самом деле без предупреждения ушел на другой день после убийства, а именно во вторник.

Предварительное следствие не выяснило пока, был ли тут на самом деле Валух или кто либо иной. Прислуга кафе удостоверяет, что оба встретились, как давно знакомые, — Евгений Коновалец был еще молод: ему всего было 46 лет. Он родился в Галиции в семье сельского учителя, кончил львовскую гимназию и слушал лекции на юридическом факультете львовского же университета. Во время мировой войны он находился в австрийской армии. В 1915 году его взяли в плен русские и водворили в гор. Царицын. В 1917 г., во время революции Коновалец основал в Киеве организацию "сечевых стрельцов", которая действовала на Украине, пока немецкое командование, оккупировавшее ее, не распустило эту организацию. В августе 1918 г. Е. Коновалец подчинился гетману Павлу Скоропадскому, но потом в ноябре того же года он примкнул к покойному Симону Петлюре, которого в 1926 г. в Париже убил советский агент еврей Шварцбард, ныне проживающий в Советском Союзе.

Когда, в 1920 году, в Вост. Галиции украинские военные — сторонники эмигрировавшего в Вену правительства украинской народной республики основали тайную военную организацию, так называемое "Уво", Е. Коновалец очень скоро сделался ее главой. В это время во Львове действовал также адвокат Стефан Федак на сестре которого женился Коновалец. Впоследствии, в 1924 году, эта организация воссоединилась с организацией украинских националистов Федака краткое наименование которой было "Уон". Главой объединения остался покойный.

Целью этих организаций было воссоздание Великой Украины от Закарпатских земель до Кавказа. Оне в тоже время об'являли борьбу тем государствам, которые оккупировали украинские земли. Такими они считали Польшу, Сов. Россию и отчасти Румынию и Чехословакию. Коновалец с сотрудниками практиковали террор против своих противников, главным образом, боролись против Польши и Сов. России. Не щадили и своих соотечественников, которые были сторонниками сотрудничества с врагами их родины. Поляки, да и другие приписывают Коновальцу массу террористических выступлений; но он прибегал не только к террору. Он вел также большую пропаганду на разных языках в пользу своих политических целей. Для этого он учредил издательство. Из его изданий известен орган "Сурма", редакция которого находилась в Праге, а само издание печаталось в Литве. Глава украинских боевиков очень ловко, основываясь на противоположных интересах разных государств, пользовался по-

следними в целях скорейшей реализации своих идей. Некоторые государства не отказывали ему и его сотрудникам в паспортах. Поэтому они свободно разъезжали по Европе и Америке для устройства своих дел. Но все таки, Коновалец некоторым государствам не приглянулся: они очевидно боялись создания тревожного положения. Напр., мирная Швейцария — Женевский кантон — изгнала его в 1936 году.

Таким образом, жизнь покойного была весьма беспокойной и бурной. Его одухотворяла животворная идея возрождения родины в ближайшем будущем. Он фанатически жертвовал собою своей стране. И действительно сложил голову ради нея. Можно быть различного мнения о терроре, как средстве политической борьбы. Но если мы отло-

жим в сторону рассмотрение этого вопроса, то не можем не прийти к выводу, что наша дружеская Украина потеряла в Коновальце большого, стойкого, неудержимого и неустанного работника. Таких патриотов ныне преследует Советская Россия, под водительством человека, увы нашего племени. Его предшественник русский Ленин-Ульянов, по крайней мере формально поддерживал идею самоопределения и свободы наций, а его ученик, как его ныне именуют, грузин Сталин-Джугашвили уничтожает верных патриотов маленьких обездоленных наций. Марксизм-сталинизм не переносит их, но нелегальная история занесет на свои скрижали их имена с искренней признательностью и украсит их блестящим ореолом.

Грузин.

АЛИСКАНТ.

Из весенних идиллий

(В КРУЖКЕ ИЗУЧЕНИЯ КАВКАЗА)

9-ГО ИЮНЯ в "Кружке изучения Кавказа" состоялся доклад Т. Елекхоти на тему: Кавказская проблема накануне мировых событий*). Под мировыми событиями, очевидно, будущими, докладчик разумел международные осложнения и столкновения, возмещаемые противоречием "международного комму-

низма" и "интегрального национализма", т. е. "двух идеологий", борющихся за власть и первенство в современном мире. С этой точки зрения дан был беглый обзор международного положения в Европе и Азии, указаны враждебные Советскому Союзу факторы, могущие вызвать его крушение и тем самым способствовать постановке вопроса о независимости Кавказа, обрисованы в общих очертаниях его границы, и охарактеризовано значение будущей кавказской

*) Текст этого доклада читатели найдут ниже.

конфедерации, как буферного государства.

Нечего и говорить, темы далеко не простые. Их многоликость, их запутанность пугают. Нужно не мало мужества, чтобы на них остановиться. Вполне естественно, что докладчик набрасывал лишь общие их контуры. Популярность и доступность его изложения не мешали, конечно, слушателям проникаться сложностью и трудностью предмета.

Публики набралось очень много, и было интересно следить за ее реакциями. Кое кто находил их чрезмерно шумными. Ох, уж этот кавказский темперамент — жаловались иные, и совершенно напрасно. Никаких излишеств допущено не было. А оживление, даже бьющее через край, все же интереснее, чем та умеренность, и аккуратность, которая была бы к лицу где нибудь в Академии Надписей, но удивила бы нас в сборище кавказских эмигрантов, притом, различной национальной принадлежности и неодинаковых политических верований. Правда, в собрании был даже поставлен вопрос: уместны ли вообще подобные сборища в "Кружке", в виду "академического" его характера? Но это уж его внутреннее дело.

Желавших возражать докладчику или добивавшихся разъяснений по некоторым пунктам оказалось не мало, но времени в их распоряжении было далеко не достаточно, тем более, что изрядная часть его понадобилась вновь избранному председателю кружка Г. Д. Журули для произнесения сначала вступительного, а потом, в конце, и заключительного слова, с преподанием слушателям советов благоразумия и уравновешенности. Эти советы и назидания, может быть, при-

несут плод в будущем; в данный же момент, как мы сказали, шум и некоторое волнение оказались в "порядке дня".

В чем однако дело, и какова была причина не столько разногласий — их, конечно, могло быть очень много — но остроты их обнаружения? Доклад отражал идеи "Кавказа". Необходимо, поэтому, вспомнить полемику, устные выступления и шум, вызванный его статьями по вопросу о беспочвенности, в настоящих условиях, идей ирредентизма, направленного к пересмотру южных границ Кавказа.

На "Кавказ" набросились, как известно, с разных сторон. Различные грузинские группы заговорили о предательстве. Можно, было бы по этому поводу сделать выборку из довольно пестрой массы писаний, далеко не делающих чести грузинской эмигрантской журналистике. Особенное рвение обнаружили в нападках на "Кавказ", как известно, те, кто морально, политически и формально ответственны за передачу Турции в 1918 году. Батума и Ахалциха, а в 1921 г. — Ардагана и Артвина. Из такой выборки получилась бы недурная антология лжи и клеветы, невежества и наглости. Надеюсь, никто не станет тратить своего времени на подобную сводку.

Не говоря о попугаях, повторяющих без конца заданный им урок: "Туркам отдают наш Батум!", "туркам продают наши области!" и т. д., но и те, похитрее и поопытнее, что предприняли эту кампанию, очутились в нелепом положении. Поощренные ими выступления имели собственно целью скомпрометтировать "Кавказ" в глазах грузин, и на эту удочку попало не мало простофиль. На деле получились, однако, как бы анти-

турецкие манифестации. Пришлось, если не прямо бить отбой, то все же заявить, что “помилуйте! никаких споров у нас с турками нет, а есть лишь желание быть с ними в дружбе!”.

Раз нет споров, то всем стало ясно, что с “туркофильством” “Кавказа” совершенно совпадает позиция и тех, кто действует под фирмой грузинского правительственного центра, “совета кавказской конфедерации” и пр. Следовательно, с чисто формальной точки зрения можно было бы признать, что по существу дела спор оказался беспредметным. Но спор, конечно, спором, а... клевета клеветой.

Читатель не взыщет за это отступление. Оно оказалось необходимым, чтобы объяснить специальную атмосферу, в которой протекал доклад и вызванные им непродолжительные, но прочувствованные прения. “Доклад этот — академический”, — напоминал слушателям председатель: “поэтому и отнеситесь к нему по-академически”. Соблюсти это было не так легко. Да и сам председатель счел почему то нужным сначала же как бы отгородиться от докладчика или, скорее, от доклада ссылкой на то, что доклад-де на ответственности автора, а “Кружок” здесь не причем. В этом предупреждении не было необходимости. Впрочем, береженного и Бог бережет!

Характерно было выступление первого по очереди из записавшихся ораторов, социал-демократа грузинского “правительственного” направления, или, проще, “меньшевика”. “Здесь не митинг”, кричали ему, в виду живости его жестикуляции. Совершенно напрасно. По суще-

ству это было своего рода официальное “правительственное разъяснение”. Оратор отнесся даже не без благосклонности к защите “Кавказом” независимости кавказских республик (слушайте! слушайте!) и к отстаиванию этим органом конфедеративного начала; но заявил свое неудовольствие на то, что “нас”, т. е., повидимому, грузин социал-демократов, их бывшее правительство и весь “наш фронт” выставляют врагами турок. А мы ли не друзья их и т. д. (См. выше).

Собственно врагами турок никто “их” не выставлял и не называл. Но сами они попали в поставленную ими же сеть; сами приняли деятельнейшее участие в кампании, ими же затеянной, сами, вместе с другими зарпортовались в “совещании о грузинских границах” 4-го декабря 1937 г., совещании историческом, по мнению одного из их органов. Правильнее было бы сказать: истерическом. Но вернемся в зал заседания.

Вообще, как о том можно судить по этому началу, мы присутствовали не столько при дебатах по поставленным в докладе сложным вопросам, доступным, конечно, различному толкованию, сколько при даче поспешных, нервных реплик все по тому же одному “турецкому” вопросу, не единственному и не важнейшему.

Ссылка на “южную границу Кавказа”, как на нечто, в настоящих условиях объективно данное — или навязанное — и на необходимость, неизбежность в тех же условиях доброго соседства с Турцией (необходимость эта, кстати, всеми разделяется) вызывает в определенной среде чисто сентиментальную реакцию, порою в удивительно элементар-

ном, можно даже сказать, жутком проявлении.

Положение, довольно таки трафаретное — о добрососедских отношениях с Турцией — немедленно же подвергается извращению, иногда, может быть, и сознательному, в смысле предлагаемого будто бы принятия “турецкой ориентации”. А самое измышление это, понимаясь в виде как бы непосредственно приближающейся реальности, автоматически вызывает у некоторых старые, привычные, мучительные ассоциации и связанные с ними проявления глубоко заложенных чувств, проявления пускай яркие, однако несколько неожиданные в обстановке “академического доклада и дискуссии” в парижском “Зале Ученых Обществ”.

“Турецкая ориентация?” (на нее не было, конечно, и намека). “Да ведь они же постоянно режут и резали нас!”. Таков был по существу душу раздирающий вопль или ответ, данный одним из присутствовавших на осторожную попытку Т. Елекхоти очертить пределы будущей “Кавказской Конфедерации”, в географическом тесном соседстве с Турцией и Ираном.

Очень своеобразно, но и далеко не кстати, перед нами на мгновение воскрешены были переживания далеких дней конца 1914 г., когда после временной неудачи русской армии на кавказском фронте опасались угрозы турок Тифлису, и многие армяне в смятении искали спасения в северном направлении. Казалось бы, давно уже пора, при обсуждении настоящего или будущего положения кавказских вопросов, притом в обстановке ученого Кружка, отрешаться от такого подхода к темам!

Удивительнее всего, что всецело во власти того же комплекса армяно-турецкой резни оказался еще один оратор — притом видный, авторитетный, врач-психиатр! Вполне академическое, оптимистическое, ко всем доброжелательное рассуждение докладчика о будущей роли Кавказской Конфедерации как буферного средостения между северной Империей и расположенными к югу от Кавказа Турцией и Ираном, вызвало страстную реплику: “Вы желали бы, чтобы этим буфером амортизировались удары, направляемые с севера по Турции? Нас турки резали, уничтожали, а Вы предлагаете амортизировать удары, ей предназначенные? Благодарим покорно!”.

По этому поводу нет необходимости возвращаться к вопросу об армянской резне или, что было бы правильнее, об армяно-турецких взаимоотношениях до и во время войны 1914 и следующих годов. Но всем должно быть ясно, что рисовать эти взаимоотношения в виде одной лишь “резни” с представлением притом армянам неизменной роли пассивной жертвы неправильно по существу и должно бы казаться обидным самим же армянам.

Первый из упоминаемых здесь ораторов — одновременно, он и член совета Кружка, притом очень деятельный — не справившись с охватившим его волнением, громогласно заявил о нежелательности, о невозможности вообще обсуждения в кружке докладов политического характера. В этом с ним трудно согласиться: кружок, напротив, мог бы даже послужить школой выдержки и хладнокровия.

И, разумеется, никак уже нельзя при-

знать ни “академическим”, ни сколько-нибудь обоснованным призыв или, пожалуй, даж выкрики того же оратора — очень популярного в рядах членов Кружка — в конце его выступления: да, армяне всегда страдали... но им все же удалось, быть может, больше, чем другим, сохранить свое достоинство! И мы не дадим увлечь себя ни в какую авантюру!”.

Все народы Кавказа пребывают в очень тяжелом положении, и существование их никак нельзя признать “достойным”. Что же касается авантур, политических и военных, в этом отношении первенство по справедливости и без спора принадлежало до сих пор как раз армянам. Ставка их в великой войне была совершенно азартной, а, взятая в целом, политика тогда и в эпоху мирных конференций — явилась авантурой в полном смысле слова, притом, авантурой трагической.

Только что описанные реакции не были направлены по адресу. Ничто, решительно ничто, в докладе, обращаемом к будущему, их не вызывало. Но их искренность, и глубокий корень в душах, конечно, не вызывали сомнений. Однако, пора бы сдвинуться с этой мертвой точки оценок и переживаний, принадлежащих прошлому. Пора вспомнить, что армяно-турецкие отношения и в прошлом далеко не исчерпывались ужасными фактами массовых умерщвлений, и что роль армян не всегда и далеко не во всем была лишь страдательной, и что последнее слово во взаимоотношениях армянского народа и турецкого государства, может быть, еще и не сказано.

...Интерес подобных собраний отчасти ведь и заключается в многозначительно-

сти таких непосредственных криков души, рядом с имеющими более деловой вид, но едва ли больший вес, заявлениями, исходящими как бы от группировок. О действительном значении последних трудно составить себе представление. Их усилия, их словесные старания могут иногда казаться бурей в стакане воды, но ведь и это мера относительная: буря, например, в ложке есть явление еще менее страшное, да и ложки ведь бывают различных калибров. Когда в этих мелких группировках обнаруживается намек на работу мысли, к проявлениям ее надо относиться с вниманием, хотя бы группочка насчитывала меньше членов, чем выступающий от ее имени пальцев на своих руках. Может быть, из одного из таких комьев снега образуется в будущем лавина. Пока этого не видеть.

Не знаю, обратили ли, например, слушатели внимание на заявление, сделанное от имени грузинских монархо-фашистов, что они охотно мыслят будущее восстановленное царство грузинское в союзнической связи, т. е. соглашении или “антанте” с остальными кавказскими народами. Идея конфедерации, не говоря о федерации, очевидно, не имеет успеха в этой специальной среде, — если есть такая. Можно было также войти в мысли и чувства того же оратора о том, что “грузинскому царству нельзя быть без Ардагана”, хоть и есть в этом доля преувеличения, даже с точки зрения царства грузинского. Беда, однако, в том, что совершенно того же взгляда на пользу и приятность владения Ардаганом держатся также и турки, вдобавок, им владеющие; а из невладельцев еще и армяне.

Еще один штрих из области все тех же навязчивых "ардаганских" настроений и огорчений. Что это, упрекнул докладчика один из вопрошателей: вы все о южных границах, а о северных ни слова?! На самом деле о северных границах в докладе говорилось не меньше, чем о южных. Если угодно, и об одном, и о другом говорилось мало, но с полной определенностью указывалось, с одной стороны, на современную международную границу Кавказа, с другой — на границы, обусловленные в эпоху существования республик Горской и Кубанской. Но, вообще говоря, сама постановка вопроса была вполне уместной. И если бы докладчик располагал нужным временем, он вероятно воспользовался бы случаем, чтобы показать, как, в отличие от того, что наблюдается в рассуждениях о южной границе Кавказа, к мыслям — или мечтаниям — о северной его границе не примешиваются ни соображения о правах исторических, ни память о насильственных выселениях и массовом истреблении жителей.

Как уже сказано, доклад был по необходимости сжатый, краткий, схематический. Обзор современного международного положения строился в нем преимущественно на противопоставлении одного "лагеря" государств — другому; тоталитарного — анти тоталитарному. К противопоставлению этому теперь часто прибегают, удобства ради, как к алгебраическому обозначению. Но оно, разумеется не является точным и требует в каждом случае поправок. О том, например, что коммунизм "тоталитарен" в большей еще степени чем фашизм, нет надобности здесь распространяться. Скажу лишь попутно, что некоторые из воз-

ражавших докладчику ввели в его схему элементы, им опущенные, с целью упрощения обзора (ссылка на международные факторы большого значения, не относимые ни к одному из противопоставленных блоков и т. д.). По существу здесь, конечно, не было разногласия.

Азербейджанский сектор собрания далеко не безмолствовал. Выступавшие от его имени, также, впрочем, как и докладчик, тоном своим и манерою говорить показали, что на острые, хоть и вполне пока отвлеченные темы кавказской политики можно говорить сдержанно и хладнокровно.

Присутствовали, надо думать, в достаточном количестве, выражаясь деликатно, простецы обоого пола, поверившие, под влиянием рассчетливой клеветы, что сотрудники "Кавказа" суть турецкие агенты, изменники и т. д. (Отсюда некоторое гудение в зале). Были и делавшие вид, что в это верят. Но петушиный задор и бывшая запальчивость ("вот вам туркофилы, бей их" — не переносно а буквально так!), пошли, как будто бы на убыль. Коноводы зарвались и очнулись на невыгодных им позициях чрезмерного туркофобства. Теперь они вынуждены лепетать: ей-Богу, ничего кроме дружбы к вам, г.г. турки, мы не испытываем.

Забавная попытка подвергнуть сотрудников "Кавказа" остракизму, исключить их из чьего то общества, имела не больше успеха, чем тот же "турецкий" маневр. В собрании, о котором сообщается этот репортаж, сочувствующие "Кавказу" собрались в достаточном числе. И если на одном фланге заметно было скопление активно настроенных "кавказцев", равновесие достаточно сохраня-

лось и охранялось благодаря наличности на другом фланге надлежащего противовеса, должным образом "окадренного". Некоторой "ажитации", при этом нельзя было избежать. Однако, в общем, все сошло чинно. Консьерж здания, фигура сдержанно властная, при-

шел гасить огни, и кавказцы разных оперений и мастей рассеялись в нечрезмерном мраке парижской весенней ночи. Что ей Ольги или Шуша, что Гудермес или Вагаршапат?

Алискант.

ТАМБИЙ ЕЛЕКХОТИ.

Исторические задачи Кавказа

(Доклад прочитанный в Обществе изучения Кавказа в Париже, 9 июня 1938 г.)

ТЕМА, избранная мной для настоящего доклада, мало благоприятна. События, которые являются сегодня предметом нашего рассмотрения, известны всем из газет. Правда, они чередуются с такой быстротой, что угнаться за ними трудно, а потому и разобраться в них не всегда удастся. Это оправдывает мое выступление перед вами, оправдывает еще и потому, что эти события могут иметь исторические последствия для всего мира. Кавказ не может быть исключенным из этого общего водоворота, и само собой разумеется: каким-то образом события будут иметь свое отражение и на судьбах нашей родины. Не легко в нашем эмигрантском положении при разнообразии этих событий, происходящих изо дня в день то на одном конце нашей планеты, то на другом, установить твердое и ясное отношение к ним. Нет сомнений, что звучит красиво, когда говорят "мы кавказцы должны

ориентироваться только на самих себя", а есть среди грузин и армян и такие, которые полагают, что лучше всего грузинам и армянам ориентироваться на армяно-грузинскую солидарность и что следовало бы серьезно подумать о том, не является ли Сев. Кавказ балластом для Грузии и Армении в их борьбе за независимость. Такого рода размышления привели даже к созданию так наз. Армяно-Грузинского Униона. Но, если, господа, мы признаем, что при теперешнем развитии техники нет уже ни временни расстояния, нет закрытой и независимой экономики и финансов отдельных стран, что хозяйственное благополучие одних стран тесно связано с благополучием других, то мы должны будем согласиться и с тем, что Кавказ в этом мировом обороте не оазис. Его судьбы целиком не находятся в наших руках, его будущее зависит не только от нас, но и от международных сил, и от то

политической и экономической роли, которая судьбой предназначена Кавказу в мировом общении. Это положение, как мне кажется, бесспорно, а раз это так, то красивые слова о необходимости ориентироваться кавказцам, или что еще лучше, армянам и грузинам на самих себя — теперь бессодержательно, и на этой базе нельзя делать ни политики армяно-грузинского сепаратизма, ни общекавказской.

Политическое течение, органом которого является журнал "Кавказ" и к которому я имею честь принадлежать, пытается следить за всеми происходящими в мире событиями, анализирует их по мере своих сил и возможностей, старается в этой буре событий найти то течение, которое может быть спасительным для истрадавшей нашей родины. Мы не считаем патриотизм и служение родине монополией какой либо одной группы или партии, как это полагают некоторые наши противники, и не им я собираюсь сегодня отвечать. Умышленно, при достаточной, казалось бы, ясности, наши позиции в некоторых кавказских кругах извращаются и часто нас облыжно обвиняют во всех грехах, при этом не скупятся ни на слова, ни на угрозы. Вот почему я счел необходимым воспользоваться этим случаем, чтобы ясно, откровенно и без всяких недомолвок уточнить те политические установки, которые являются основой нашей идеологии и нашей практической деятельности. Из только что сказанного мной выше для вас уже должно быть ясно, что мы решительно отвергаем мысль ограничивать нашу политическую активность ориентацией для кавказцев на самих себя. Но для того, чтобы наши политиче-

ские установки приобрели абсолютную ясность, мне придется сделать краткий обзор мировых событий, и чтобы не загромождать вашего внимания, я остановлюсь лишь на тех из них, которые разворачиваются на наших глазах в самые последние дни.

С испанской трагедией, держащей в течение двух лет Европу в напряженном состоянии, мы уже как то свыклись. Поразившим Европу своей смелостью, быстротой и бесшумностью является аншлусс — присоединение Австрии к 3-му Рейху. Этим актом окончательно вычеркнута с карты Европы бывшая еще на наших глазах великая империя Габсбургов. Много поучительного для нас можно найти в последнем акте австрийской государственности, а именно в том, насколько безболезненно прошло это дело для Германии. Версальский договор растерзал великую многонациональную державу Габсбургов, сохранив из нее, по стратегическим соображениям, немощную политически и слабую в экономическом и финансовом отношениях Австрию. Замечательно, что в свое время, по ходатайству немецких и австрийских социалистов, II интернационал принял резолюцию за аншлусс. Кто знает, может быть в этом голосовании принимали участие и Кавказские социалисты.

Отношение социалистов к этому вопросу изменилось, когда германский народ путем свободного волеизъявления при президенте Гинденбурге вручил свои судьбы Гитлеру. II интернационал сейчас находится в неравной схватке со странами интегрального национализма. Державы-победительницы и Лига Наций приняли совершившийся факт, и вот в этом-то и заключается урок, который

следует нам учесть при рассмотрении надвигающихся бурь. Этим не ограничиваются мировые события. Антисоциалистический блок, и блок просоветских демократий, англо-итальянское соглашение, визит Гитлера в Рим, и наконец, японо-китайский конфликт. Вот перечень событий, являющихся ориентировочными этапными пунктами, которые определяют новые пути Европы и всего мира. К ним надо еще прибавить Саадабадский пакт, о котором здесь уже раз была речь.

Ошибочно было бы думать, что эти события вызваны эгоистическими и империалистическими инстинктами некоторых держав. За какую бы из этих проблем мы не взялись, мы обнаружим без труда ту или иную связь с политикой Советов и с их разрушительным влиянием. Да и самое появление на мировой политической арене национал-социализма, фашизма и японского активизма были вызваны к жизни всемирно разрушительным влиянием русского большевизма, и вообще воинствующего мирового марксизма, руководимого Москвой. Мы, вышедшие из огня восточно-европейской революции, хорошо знаем природу большевизма и его фантастические планы разложения мирового порядка, цивилизации, а затем и утверждения своей гегемонии над миром. Но во многих европейских странах не так ясно себе представляют ужасы интегрального марксизма, для которого наши народы, вот уже 20 лет, являются объектом нелепых социальных опытов. В этих странах господствует безумие, — мысль, что Советский Союз в мировом концерте является фактором мира, и не гнушаются даже вступать с Советами в союзные от-

ношения. Но сегодня в большинстве стран проводится специальное законодательство против коммунизма, а в иных и вообще против марксизма всех его оттенков. Это — Германия, Италия, Венгрия, Швейцария, Польша, Румыния, Югославия, Болгария, Албания, Греция, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Турция. В Азии — Ирак, Афганистан, а Япония ведет борьбу за очищение желтого материка от коммунизма, захватившего там довольно крупные стратегические территории. Как Вам известно, не все упомянутые державы формально входят в антисоциалистический блок.

Был момент, когда мало кто верил в идеологические побуждения антисоциалистического блока. В странах демократий обвиняли блок в империалистических планах. Кампанию против блока повела могущественная пресса, находящаяся под влиянием II интернационала и иных пацифистских организаций с ориентацией на Москву. Возможно, что в известной мере эти подозрения не лишены основания. После состоявшегося англо-итальянского соглашения, в пробольшевических странах заговорили об ослаблении антисоциалистического блока и торопились уже предсказывать конец оси Рим-Берлин. Однако, недавняя речь Муссолини в Генуе разбила эти надежды, и теперь уже в наличии их идеологического союза против красной опасности вряд ли кто еще сомневается. Муссолини с большей ясностью и смелостью, чем когда бы то ни было, наоборот, заострил идеологический антагонизм стран интегрального национализма против марксизма.

Таким образом, мы находимся перед лицом политического акта, не имевшего

прецедента в истории международных отношений. Муссолини, имея нормальные дипломатические сношения с Москвой, объявил себя и своих союзников непримиримыми врагами большевизма, т. е. Москвы. Параллельно с этим, Германия преследует цели объединения немецких земель, и на этом пути есть угроза столкновения с Чехословакией. Последняя, как известно, связана союзными договорами с СССР и Францией. В настоящее время, грозу удалось предупредить. Но мне столкновение между ними представляется неизбежным — другой вопрос, когда. Порохом запахло повсюду. Наконец, и гонка вооружений не оставляет сомнений, что недалек день, когда, как говорится, “пушки начнут стрелять сами”.

Я, однако, с точки зрения наших интересов, придаю гораздо большее значение событиям уже происходящим на Дальнем Востоке. Обзору этих событий я посвятил недавно ряд статей и потому, чтобы не повторяться, не буду на них долго останавливаться. Скажу только, что изученные мной материалы привели меня к убеждению, что Япония не ставит себе цель порабощения Китая. Япония в течение многих лет терпеливо убеждала Чан Кай Шека в том, что углубление Москвы в Китай грозит не только независимости самого Китая, но и Японии, и всей мировой цивилизации. Документы этих японо-китайских переговоров в свое время были представлены и Лиге Наций. Не нужно забывать, что большевики успели советизировать Южный Китай, обнимающий огромную территорию с населением свыше 100 миллионов. Вы видите, что Москве удалось отхватить от Китая хоро-

ший кусок, с населением равным почти самой России. Советский Китай обладает уже могущественной красной армией, прекрасно обученной и экипированной. Чан Кай Шек оказался неспособным ликвидировать Советскую Китайскую Республику, где Москва полновластно хозяйничает и по сей день. Отсюда угроза Москвы стала реальной, как для самого Чан Кай Шека, так и для Японии. И ей было, над чем призадуматься. Да и теперь главные тяготы войны выносят красные Кантонские армии.

Создавшееся положение вещей, а в особенности после захвата большевиками Монголии и Восточного Туркестана, вынуждает Японию защищаться до конца, до полной ликвидации русской и красной опасности всему Дальнему Востоку. Японо-китайский конфликт, на основании исследованных мной материалов, я рассматриваю, как прелюдию к серьезной и большой советско-японской войне. Русская пресса вместе с марксистской европейской старается поднять мировое общественное мнение против Японии, напавшей якобы на беззащитный Китай. Происходит по существу то, что мы видим в Испании. Красная Испания — это испанский народ, а националистская Испания, занимающая 4/5 страны — это бандиты. По сведениям иностранных журналистов, посетивших театр японо-китайской войны, все слухи и толки о каких то восстаниях против японцев в занятых ими областях лишены всякого основания. Наоборот, вокруг самого Чан Кай Шека растет течение, которое требует немедленного, искреннего и крепкого надолго соглашения с Японией. В будущей схватке русско-японской, которая легко может

перекинуться в Европу, в виду союзнических связей Японии в Европе, трудно предсказывать, как распределятся силы сторон. Можно, однако, быть уверенным, что Япония и Россия не останутся одни лицом к лицу. На стороне Советов мы не видим почти никого, если бы дело ограничилось одним Азиатским театром войны. Что касается другой стороны, то нужно иметь в виду, что на Дальнем Востоке создана новая держава Манджукго, с 30 миллионами населения, с прекрасной армией. Страна уже хорошо организована во всех отношениях, усеяна плотной сетью первоклассных дорог. Такая же организующая деятельность японцев поднимает на ноги и Внутреннюю Монголию, и северные области Китая. По приблизительным подсчетам области, в которых царит полный порядок и где созидательная работа кипит и днем и ночью, насчитывают в общей сложности много больше, чем 150 миллионов населения, — это не считая самой Японии. При таких условиях и принимая во внимание внутреннее положение Советского Союза, не будет преувеличением высказать уверенность, что настоящее и окончательное поражение Советов и их режима нужно ждать именно со стороны Востока. Но если бы события перекинулись в Европу, то и тогда я не вижу объективных данных в пользу Советов.

Я уже имел случай перечислить те европейские державы, которые проводят у себя драконовские мероприятия против марксизма, а в особенности, против его московского издания. Из этого перечня нетрудно видеть, что большинство европейских держав стало на этот путь. Я также убежден и полагаю, что не я один так думаю, что и здесь в Европе мы идем

к возможным международным катаклизмам.

Что делать нам, кавказцам, в этой сложной международной обстановке? Проблема независимости Кавказа ставится более актуальной, чем когда-то ни было, ибо в этих бурях несомненно решится судьба Кавказа. Кавказ, если он не погибнет, во всяком случае придется расстаться с надеждами на независимость, или в этих бурях он потеряет свою независимость. На этих собраниях здесь некоторые из наших соратников говорили, что кавказцы не могут и не собираются воевать ни с севером, ни с югом, что единственное, на что они способны и должны делать — это тащить в душе одинаковую вражду, как к северу, так и к югу. Такую политическую концепцию, по существу преследующую ослабление нашей энергии в борьбе за независимость и за спасение наших народов от ненавистного ига, мы решительно отвергаем. Для нас ясно, что выбора у нас нет. Оставаться Кавказу нейтральным, если бы мы этого и хотели, не удастся. Да уже мы, не желая воевать и с белыми, и с красными. Таким образом, и в грядущих бурях Кавказу придется делать выбор между бою своими силами интегрального национализма и порядка и мирового марксизма, возглавляемого Москвой.

Ясно, что мы, будучи решительными противниками каких бы то ни было установлений у нас на родине, не исключим вооруженной борьбы при всех обстоятельствах и во что бы то ни стало.

Нет в мире ни одного народа, который бы без борьбы и без пролития крови добился своей независимости. Все

ните хотя бы историю польских сепаратистов. Во время войны они стали на сторону союзников и последние их отблагодарили, признав независимость Польши. Кавказцы в надвигающихся событиях придется тоже что то делать. Сложно руки сидеть под разрывающимися над нами и вокруг нас снарядами нам не удастся. Это положение, я убежден, является аксиомой и для тех, которые говорят нам, что будучи враждебными и Северу и Югу, мы воевать не можем и не будем. Сознательно, или бессознательно, но эта позиция прямо и без пересадки ведет нас в Москву.

Отсюда ясно, что одна из исторических задач Кавказа, а также кавказских политических эмигрантов, заключается в том, чтобы при внимательном наблюдении за происходящими событиями, сделать твердо, ясно, без всякой недоговорен-

ности, главную и основную политическую установку — **упор на те или иные международные силы.**

То политическое течение, к которому я принадлежу, эту установку сделало. Мы не можем сейчас с полной точностью определить, какие именно державы будут нам сочувственны, — политика изменчива, — но ясно одно: никакое соглашение с марксизмом или его отдельными представителями, пока они находятся в каком либо из социалистических интернационалов, для нас неприемлемо.

(Окончание следует).

Тамбий Елекхоти.

Обзор печати

“ЕДИНЫЙ ФРОНТ”

“Единый фронт” г. Жордания — это нечто вроде “народного фронта” в масштабе грузинской эмиграции.

Несколько лет тому назад, по поводу выхода своего сотого номера, “Дамоукидебели Сакартвело” писало: наше издание является органом “Единого фронта”, но велика ли от этого радость? Тот, кто является главой этого фронта и кто должен был сотрудничать с нами, редак-

тирует другую газету и пишет в другом органе. Так писал журнал про свой “фронт”...

Действительно, за все эти годы, “Дамоукидебели Сакартвело” развлекало своих читателей докучливыми статьями г. Ильи Нуцубидзе, господинчика неизвестно какую еще партию представляющего во “фронте”, ибо настоящий представитель грузинских “эс-эров” давно уже покинул этот фронт.

Упрек газеты касался основателя и

“главы единого фронта” г. Жордания, нанесшего первый удар этому “фронту” тем, что, из числа лидеров партии, создавших “фронт”, первый в эмиграции основал партийную газету. Его примеру последовали остальные члены “национального центра”, и создалось замечательное положение: господа лидеры восседали в “центре”, занимаясь распределением окладов, а партии, представленные ими в “едином фронте” шли друг на друга атакой.

Если, паче чаяния, “Дамоукидебели Сакартвело” все же называло себя органом об’единенных грузинских партий, то это можно об’яснить тем, что главный редактор этого органа, г. Чхенкели, обладает всеми свойствами кувшина, выставленного на ветре. Может петь на ветре и тем громче, чем больше ветра. “Фронта” уже не было. Его похоронила меньшевицкая партия, как грузинскую независимость похоронил меньшевицкий режим.

Растление “фронта” вызвало растление партий, составляющих этот “фронт”, и больше всего меньшевицкой партии. От нея стали убегать свои и чужие. Была попытка спасти ее, но все меры оказались тщетными. Дело дошло до того, что вся редакция “Брдзолис Хма”, в последнее время, состояла из выходцев одной грузинской деревни. Это сказано в точном смысле этого слова. “Сильнейшая” когда то меньшевицкая партия, здесь, в эмиграции, обхаживалась людьми одного грузинского села, в старую, феодальную эпоху Грузии, принадлежавшего дворянам Жордания!.. Эти “односельчане” не могли бы основать и простую артель, а теперь похоже на то, что

“бежать” из партии задумал сам дворянин Жордания. Теперь он восседает в “Дамоукидебели Сакартвело” и здесь хочет чинить свой опрокинувшийся возок. Так г. Жордания работал в “партии”, когда партии давно не было, и так он вернулся во “фронт”, когда не стало фронта!

Бежавшего из “Брдзолис Хма” г. Жордания, редактор “фронтного” органа г. Чхенкели встретил с номером газеты со статьями социалиста Маркэ и фашиста Майнарди. Пропеть совместный дуэт г. г. Маркэ и Майнарди никак не могут. Но г. Жордания, всю свою жизнь дирижировавший какофонией, обещает провести подобный концерт даже с искусством.

Разноголосица имеется только среди самих грузин и, главным образом, среди деятелей этого “фронта”.

Старый его деятель г. С. Пирцхлава пишет в “Дамоукидебели Сакартвело”:

«Преипирательства друг с другом и борьба поглотили всю нашу энергию. Наша неговорчивость и распяленность сделали то, что мы утратили всякий вес среди других народов. Мы лишились уважения и друзей, и врагов. Как то иначе и сверху стали смотреть на нас и наши кавказские соседи»...

Совершенно буйные настроения выказывает по адресу того же “фронта” другой старый и испытанный деятель его г. Г. Гвазава.

Его “обход” единого грузинского фронта еще глубже и, вместе с грузинским “фронтом”, он выбрасывает к черту и “демократию” и “Лигу Наций”.

В № 1 обновленного “Сакартвело” г. Гвазава пишет:

«Мы создали свой «национальный центр» в тот момент, когда Лига Наций подавала большие надежды и когда ей ими и престиж давали направление всей европейской политике. Но теперь, когда выяснились ее ошибки и слабости, когда создалась «ось Берлин-Рим», чье возвращение фундаментально меняет политику Женевы и ее методы, мы не можем больше закрывать глаза на такой большой перелом».

И г. Гвазава предлагает создать фронт, куда вошли бы и социалисты, и фашисты!

Но есть во «фронте» люди, которые считают, что не прав не только г. Пирцхлава, заявляющий, что никакого фронта нет, но немного запоздал своими мерами и «ненстойный» г. Гвазава, предлагающий ввести во фронт «и социалистов, и фашистов».

Все это, оказывается, уже осуществлено, и осуществлено даже с лихвой.

Во-первых — г. Маркэ и г. Майнарди, которые вместе желают грузинской независимости! Во вторых... но тут слово принадлежит блаженному г. Рафаэлу Иваницкому-Ингило, одному из главных дифирамбистов Жордания и одновременно сотруднику газет и Чхенкели, и Асатиани, и Гвазава, и даже Манвелишвили, в самый день 26-го мая, обдавшего г. Жордания и весь меньшевизм самой густопсовой бранью, в своем журнале «Момавали».

Блаженный г. Р. Иваницкий-Ингило, (кандидат не то в епископы, не то в священники парижского грузинского прихода!) пишет в «Дамоукидебели Сакартвело»:

«Здесь — за границей — борющаяся Грузия представляется, как это всем известно, ея законным правительством, вокруг которого — для лучшего успеха дела —

группируются грузинские политические течения, начиная от крайних монархистов и кончая социал-демократами».

Таким образом, как видите, г. Жордания об'единяет социалистов, фашистов, монархистов!

Как же смотрит на весь этот политический винегрет собственная партия г. Жордания?

Послав своего лидера в «единый фронт» — дурачить всех этих «националистов», «фашистов» и «монархистов» и делать свое обычное меньшевицкое дело, она, единственная, среди всех этих околпаченных людей, осталась верной себе. «Брдзолис Хма» цинично пишет:

«В нашей сегодняшней борьбе мы встречаем большие препятствия, как дома, так и во вне. Чтобы осилить эти препятствия, прежде всего необходимо об'единить все национальные силы. С целью изгнать врага из нашей страны, необходимо отложить временно вражду между грузинскими группами и партиями. Об'единенными силами мы должны бороться с врагом; за границей же вести себя так, чтобы нас считали достойными свободы»...

Итак, не то, что окончательно отбросить, не то, что раз на всегда положить конец вражде и создать единую, не распыленную «группами» и «партиями», грузинскую нацию, но отложить временно эту вражду, а там, когда, по грузинской пословице, наш теленок снова поймает волка, то меньшевики покажут всем этим «националистам» «кузькину мать».

Так строят меньшевики грузинское единение, ради этого они кличут и националистов и фашистов и монархистов, и лень уже писать о том, что все еще существуют не только загонщики типа г. Иваницкого-Ингило, но существуют и

забегалы, которые сами добровольно лезут в ловушку "ловких" людей, способных так легко менять убеждения и "принципы", которым они вчера поклонялись!..

ТУРЦИЯ И АРМЯНЕ.

В истанбульской газете "Джумхуриет" видный турецкий публицист Юнус Нади в связи с Александретским вопросом говорит о взаимоотношениях армян и Турции. Он указывает, что один французский корреспондент высказал мысль, что можно было бы воспользоваться армянами в Хатайском (Александретском) районе и в случае надобности иметь 30 тысяч вооруженных людей для четнической войны против Турции. Приведя это мнение, Юнус Нади, разумеется, горячо его критикует и затем переходит к выяснению действительных взаимоотношений с армянами, если только искусственно не создавать осложнений:

Считаем необходимым добавить, что поведение хатайских армян, внешне кажущееся, благодаря посторонним влияниям, антитурецким, встречено среди турецких армян с чувством огорчения и даже в некоторой части с опасением за их собственные интересы. Но какое основание у нас гневаться на турецких армян, настроение которых нам известно ближайшим образом и не отражает ничего кроме любви и турецкой родине, тем более мы прекрасно понимаем, что даже хатайские армяне ни о чем другом не думаящие как о мирной, спокойной жизни, но находящиеся под возможным давлением и угрозами, заслуживают снисхождения. Искренность и сочувствие, проявленные на ряду с другими гражданами и армянами по случаю недавней болезни Ататюрка, совершенно ясно свидетельствуют пред всем миром о силе и глубине привязанности армян к родной

Турции — их отечеству. Такое поведение турецких армян вполне основательно, т. е. исторические исследования Ататюрка с полною очевидностью установили происхождение армян от турецкого корня. Среди многих других трудов Ататюрка его исследования в области истории, освещающие пред цивилизованным миром места, до сих пор остававшиеся темными, поистине приобретают большое значение и достойны уважения. В свете идей Ататюрка турки и армяне встретились в лабиринте истории, как люди одного и того же происхождения. Турки, целиком воспринявшие революцию Ататюрка, не могут иметь иного отношения к армянскому народу».

"ЧЬЯ БЫ КОРОВА"...

(О полемических приемах г. Расул Заде)

Наша реплика Расул Заде по поводу жалкой его демагогии относительно "антитурецкой" позиции "Кавказа" и, главным образом, З. Авалишвили, напечатанная в нашем мартовском номере, вызвала настоящую истерику у экс-"шефа" Мусавата. На пяти обширных страницах своего **Куртулуша**, он обливается потом в бессильных потугах "доказать" правоту своей инсинуации по адресу нашего журнала.

Успевает Расул Заде лишь в одном: неприличной ругани по адресу Г. Баммата.

Вот писания этого неудачного лидера и такого же журналиста:

«Баммат, вчера еще жаловавшийся на турецкое командование II-му интернационалу, в котором находился он сам, выставивший империализмом жест турок, жертвовавших своей жизнью в Дагестане за независимость Северного Кавказа, должен припомнить, что Турция, которая сумела защитить себя против западной демокра-

тии, на которую одно время опирался Баммат, сумеет впредь защитить себя как образцовое самостоятельное государство, обладающее армией; она не нуждается ни в нашей защите, ни в адвокатстве такого политического маклера, как Баммат.

Нужно ли говорить, что ползающий ныне на животе перед Турцией и тошнотворно перед ней подхалимствующий экс-лидер "Мусавата" (но где был этот субъект в течение долгих лет, когда его товарищи по фронту вели отвратительную кампанию против Турции всюду, где это было возможно, даже на страницах официального их органа "Прометей"?) лжет "как сивый мерин". Никогда, конечно, Баммат не был членом 2-го интернационала, никогда никому он не жаловался "на турецкое командование", и не изображал империалистами тех турок, которые "жертвовали своей жизнью за независимость Северного Кавказа", а делал диаметрально противоположное тому, что рассказывает Расул Заде, а именно: протестовал против деятельности тех турецких авантюристов, которые помогали большевикам удушать независимость его Родины.

Не в первый раз г. Расул Заде бесчестно спекулирует обращением г.г. Цаликова и Баммата к Делегации 2-го интернационала, приехавшей в Грузию. Не желая бросать в полемику уважаемое имя, обманутого в свое время большевиками Нури паши, мы воздерживались отвечать на жалкие инсинуации выгнанного собственными же товарищами за политическую и всякую иную нечистоплотность мусаватского экс-лидера. Но всякому терпению бывает предел. Мы предлагаем Расул Заде, если у него еще сохранилась капля уважения к

самому себе, опубликовать, но опубликовать **целиком**, без обычного для него мошеннического монтажа, инкриминируемый им Баммату документ, а также продиктованное большевиками Нури паши воззвание, вызвавшее выступление Баммата против поддержки безответственными турками большевиков. Воззвание это находится в той же книге Тахо-Годи "Революция и контр-революция в Дагестане", откуда Расул Заде воспроизводит трюкованные им цитаты из упомянутого выше обращения к Делегации 2-го интернационала.

«Если существуют среди грузин и одних ли грузин (что имеет в виду эта очередная инсинуация?) выступления против туркизма, продолжает Расул Заде, то во главе этих противников несомненно стоит князь З. Авалишвили, правая рука Баммата. История нашего спора с князем З. Авалишвили известна читателям. Наш спор завязался вокруг статьи Авалишвили, «Сумерки богов на Ближнем Востоке», появившейся в **Кавказе**.

В этой своей статье, Авалишвили, претендовал, что с исчезновением религии с арены в Турции и на Кавказе, «грузинско-мусульмане, лазы и кавказские горцы» будут отдаляться от Турции, а что касается Азербайджана, он будет фарсизован.

В писаниях князя Авалишвили, «грузинско-мусульмане» и лазы в Чорохском районе» выставлялись в виде борцов. В свое время мы назвали это его ошибочное представление «Понтийской болезнью».

Князь Авалишвили еще не вылечился от этой болезни. В февральском номере «Кавказа», 1938 г., Авалишвили, говоря о переписи 1927 года, произведенной в Карской, Ардаганской и Артвинской областях, выражает сожаление о том, что в этой переписи не фигурирует какой-нибудь элемент,носящий имя грузин. Он говорил: «В этой стадии национального сознания или, пожалуй, национальной бессознательно-

сти, грузино-мусульманское население занимающих нас территорий пребывало еще совсем недавно. Что в этом сознании могут при известных условиях произойти перемены, это сомнению не подлежит. То есть, он говорит, что грузины-мусульмане, которые, во время переписи показали себя как турки, в конце концов признают свое грузинство.

Авалишвили убежден, что эта перспектива «сознательности» произойдет в ближайшее время. Что его пугает, это то, что Турция начала эксплуатировать медные рудники в Аршине, для чего она выработала 3-летний план. Вследствие этого, «южная часть Батумской области будет теснее прикрепляться к центру», каковое обстоятельство является «катастрофой с грузинской точки зрения».

Авалишвили кончает свою статью следующими словами:

«Грузины-мусульмане бывшей Батумской области продолжают жить там же в Артвинском вилайете. А где армяне эрзерумские, ванские, мушские?».

Вот один из тысячи примеров антиурагальных выступлений Баммата-Авалишвили».

После этой тирады, где передержка может конкурировать с клеветой, Расул Заде переходит к «разбору» статьи Авалишвили относительно руссификации Северного Кавказа в связи с новой политикой алфавита и языка, уверяя, что в своей статье «князь Авалишвили признавал эту меру весьма полезной».

Расул Заде напоминает то, что он уже писал по этому поводу в Куртулуш.

«Наши читатели уже знают о том, что профессор Авалишвили желает фарсизации Азербайджана и в этом направлении он продолжает настойчиво украшать страницы Кавказа. Доходило до того, что наше право гордиться нашими поэтами и мыслителями, родившимися вне пределов Кавказа, принималось им как обстоятельство,

идущее вразрез с интересами кавказского единства. Так как Фисули был курд, а могола Хатоси находится за пределами Азербайджана, мы оказываемся, не имея права гордиться ими. Мы должны следовать за Низами и Хагани и воскресить их язык».

Мы знаем так же провокацию, допущенную этим «ученым», пронизирующую над существованием, культурой и историей живого народа, по поводу термина «Азербайджан» в одной из своих последних статей!..

Теперь очередь за Северным Кавказом. Азербайджан должен быть фарсизован, а Северный Кавказ руссифицирован.

Собственно говоря, желание проф. Авалишвили стереть с лица (sic!) Азербайджан является следствием Северо-Кавказской проблемы. Быстрое распространение тюркского языка на Кавказе испугнуло Авалишвили. Тот факт, что тюркский язык служит на Кавказе языком международным не дает ему покоя. Что его восстанавливает против истории, существования, ценности национальной культуры, национального самозлюбия и национальной гордости Азербайджана, это то, что Азербайджан является страной тюркской, а также положение, занимаемое на Кавказе тюркским элементом. Он этого не скрывает даже в своих писаниях».

Относительно «Сумерек богов на Ближнем Востоке», г. Расул Заде усиленно делает вид, что не читал ответа З. Авалишвили на первую «критику» куртулушцев, напечатанную в том же «Кавказе» и продолжает повторять то, что они уже говорили по поводу первой его статьи, еще, пожалуй, больше сгущая краски.

Что же касается до того, что З. Авалишвили «признавал весьма полезной» руссификаторскую политику большевиков на Северном Кавказе, это лишний штрих для иллюстрации «полемиических» приемов г. Расул Заде. Об этих

приемах мусаватского экс-лидера читатели Кавказа, а так же и бывшего собственного его органа **Истиклал** кое что знают...

Читатели Кавказа припомнят содержание статьи профессора Авалишвили, "Гора языков", являвшейся как раз дополнением статьи Азад бея о руссификаторской политике большевиков. Если в этой статье и были кое какие нюансы в оценке положения, то об этом уже высказался сам Азад бей и на страницах того же Кавказа. Всего этого г. Расул Заде как будто не читал, равно как он делает мину, что не читал даже статьи Азад бея подробно и документально указавшего на руссификаторскую политику московских "интернационалистов"... А делает это потому что тогда у него отнимается предлог для обвинения Кавказа, его редактора и его сотрудников в руссофильстве и в тюркофобстве.

Что касается до упоминания З. Авалишвили о мусульмано-грузинских элементах в пределах Турции, за которое хватается с таким рвением г. Расул Заде с присущим ему политическим "тактом", укажем одному из шефов "Кавказского треугольника" в составе "Прометеевского фронта", что политически—а также и психологически! — чуткий человек не может требовать от своих союзников, принадлежащих все же к отдельным народам, иметь на все вопросы, в частности, на вопросы расово-этнического и религиозного характера, одинаковые взгляды. Это обстоятельство не должно было бы ускользнуть от внимания г. Расул Заде, если бы он умел читать свой же центральный орган, **Прометей**, на французском языке. Он увидел бы, что упо-

минание З. Авалишвили о грузинских элементах в Турции есть соломинка в сравнении с теми поленьями, которыми орудуют грузинские союзники самого г. Расул Заде.

Есть вещи, о которых вообще было бы благоразумно для экс-лидера "мусавата" просто промолчать. Но тщеславие г. Расул Заде таково, что когда задевается чуточку его собственная персона, он готов принести в жертву все другие соображения, имеющие гораздо более важное значение, чем его микроскопическая личность. Ему, вероятно, мало той скандальной и печально окончившейся для него же попытки клеветы на одного из своих партийных товарищей, который потребовал, по праву члена правления, некоторый отчет от "шефа". Он с головой лезет в петлю дабы очернить своих оппонентов, но каждый раз сам же он выходит из борьбы еще более очерненным.

Таков результат и очередной травли, поднятой им против г. Баммата.

Начинает свою анти-бамматовскую стряпню Расул Заде с утверждения, что, "Баммат, также как и Авалишвили, подчеркивал неоднократно в своих статьях, что Азербайджан не есть тюркская страна".

Когда и в каких статьях — об этом Расул Заде, занятый своей "почетной" задачей "очернения" Г. Баммата, и "обеления" своей собственной персоны, конечно, не уточняет.

Для "очернения" Г. Баммата, Расул Заде приводит из "Ислама в царской России" Климовича (Госиздат), следующие строки, написанные Г. Бамматом в... 1911 году в журнале "В мире мусульманства": "Исторические судьбы навсе-

гда и неразрывно связали русских мусульман (буквально русских мусульман) с Россией и также безповоротно разделили их со всеми другими соседями”...

Расул Заде, конечно, не указывает, что юношеская статья г. Баммата “Панисламизм и русское мусульманство”, из которой взята приведенная цитата, была написана в связи с кампанией, которая в ту отдаленную эпоху велась некоторой частью русской печати против мусульман, под флагом борьбы с панисламизмом.

Ничем Расул Заде не выдает и той хирургической операции, которую он произвел над цитатой, заимствованной им из книги советского автора. Интересно было бы знать, почему Расул Заде пропустил весь первый абзац приведенной Климовичем цитаты. Не потому ли что эта первая половина дает ключ к пониманию духа и подлинной цели всей статьи, и потому, конечно, не отвечает задачам привычного литературного фальсификатора. Вот что говорил Г. Баммат в ампутированном Расул Заде абзаце: “Я глубоко убежден в том, что в сущности никакого панисламистического движения в России не существует и что весь шум, поднимаемый рептильной печатью вокруг этого вопроса, является привычной проповедью человеконенавистничества, или желанием половить рыбу в мутной воде”...

Не таким же ли точно языком говорили все передовые публицисты, выступавшие в печати 27 лет тому назад — на защиту интересов российских мусульман?

Каким языком говорил в ту эпоху сам г. Расул Заде? Об этом в той же книге “Ислам в царской России”, рас-

сказал не мало любопытного т. Климович. Или г. Расул Заде не читал целиком цитируемого им источника, а узнал о писаниях г. Баммата от какого-нибудь сердобольного “осведомителя”, что было бы весьма наивно, или же он сам читал эту книгу, но извлек из нее лишь нужные для “очерчения” Баммата три строки, благоразумно замолчав о местах, касающихся его самого — что было бы весьма недобросовестно.

Если бы не было на лицо одного из этих двух соображений, то г. Расул Заде мог бы, или должен был бы, воспроизвести самую **сущность** статьи Баммата, которая стремилась опровергнуть враждебные атаки “прогрессивной” русской прессы против мусульман России и обвинения их в агрессивном панисламизме.

Утверждение же, что, мол, Баммат сотрудничал в “Мире Мусульманства”, который субсидировался царской охранкой, является лишней иллюстрацией благоуханных приемов Расул Задинской полемики. Расул Заде отлично знает, что разоблачение Хаджетляше, как сотрудника царской охранки имело место гораздо позже, а до того в этом органе сотрудничали почти все представители молодой горской интеллигенции... Г. Баммат был одним из первых, кто печатно отгородился от Хаджет Ляше и ушел из журнала “В мире мусульманства”, когда стало известно его отношение к охранке.

Но интереснее всего то, что г. Расул Заде, инкриминирующий Г. Баммату лоялизм в отношении России в элоху, когда о сепаратизме мусульманских народов нельзя было и заикнуться, рассылал сам циркуляры своим мусаватским

единомышленникам, предостерегая их не только от "открытой критики" Российской государственности вообще, но даже "русского правительства и его агентов, дабы не навлечь на себя подозрения этого правительства" (Л. Климович, "Ислам в царской России", стр. 275). И этот самый господин хотел бы, чтобы мы, в 1911 г., объявили бы Российской империи войну, вместо того, чтобы заверить ее о нашей лояльности!

А какова была позиция г. Расул Заде, с его "мусаватом" и его **Ачык-Созом** во время войны, когда уже смутно вырисовывались некоторые перспективы для подъяремных народов России? Вот, что говорит тот же источник, подкрепляющий свое мнение рядом документальных данных:

«Деятельность партии «Мусават» при русском самодержавии свелась почти исключительно к воплю дегаальному прославлению «православного» монарха и патристическим заботам по обеспечению успехов его «победоносного» воинства» (стр. 276).

А к чему сводились "политически-национальные aspirations" г. Расул Заде, который кичится теперь тем, что он, мол, ратовал за "федерацию" (т. е. с Россией; подумаешь, какое героичество!), об этом также пишется в этом — положительно неудачном для самого г. Расул Заде! — источнике. Послушайте-ка:

«Вождь «Мусавата», редактор «Ачыг Соза» М. Э. Расул Заде, в ответ на запрос заместителя Кавказа о нуждах мусульманского населения», предложил выполнить программу защиты буржуазных и феодально-владельческих слоев. 9 декабря 1915 г. в «Ачыг Созе» (№ 6), в статье «Наши нужды», этот «демократ» писал, что для полного счастья мусульман Кавказа им

нужно иметь возможность осуществить лишь следующее:

1. Открытие низших школ и их национализацию.
2. Высшее духовное училище (духовная академия).
3. Выборы духовенства со стороны прихожан.
4. Возвращение мусульманских вакфов.

Ни о каких других нуждах Расул Заде и слушать не хотел (подчеркнуто нами. Ред.) В статье «Пусть смельчаки скажут», помещенной 18 октября 1915 г. в № 13 «Ачыг-Соза», он писал, что «для кавказских мусульман... именно изложенные четыре пункта» «являются самыми важными». О других нуждах Расул-Заде не знал (подчеркнуто нами. Ред.). Если они есть, писал он, то «пусть смельчаки скажут» (см. 319-320);

«Смельчак задним числом» г. Расул Заде, злорадствующий по поводу вышеприведенных "крамольных" строк Баммата о настроениях русских мусульман, сам то метал громы и молнии против сепаратически настроенных мусульман. Так, например, вот что писал г. Расул Заде в 1915 г. в своем "Ачыг Созе", по поводу прибытия в Будапешт делегации от русских мусульман, возлагавших известные надежды на случай поражения России; цитируем тот же источник (стр. 320):

«Ачыг Созе», сообщив 28 декабря 1915 года о посещении этой депутацией венгерского премьера графа Тиссы, писал, что «не найдется ни одного мусульманина, который бы поднимал вопрос о восстановлении Казанского ханства или обмолвился об этом хоть одним словом... Русские мусульмане, — отмечалось дальше, — хотя бы и те, которые обитают по Волге и Уралу, сами очень хорошо понимают, что составляя меньшинство в узкой полосе посредине такой великой и просвещенной страны, как Россия, они не могут образовать ханства и управлять им... (Аллахверды прометеев-

ду Галзу Исхаки! (Кавказ).

Не только мысль об отделении от царской России национальных районов, но и всякие вообще антирусские настроения объявляются мусаватистами «изменой», заслуживающей жестокой кары (подчеркнуто памп. Ред).

Г. Расул Заде, с видом турецкого «ура-патриота» замечающий теперь «грузинский ирредентизм» в писаниях З. Авалишвили, сам из кожи лез в свое время, дабы представить турецкие симпатии мусульман Карсской и Батумской области, как «измену России». Вот что пишет тот же Климович, разрывший всю коллекцию расул-задинского «Ачыг-Соза»:

«Выраженные населением Карсской области и Аджаристана во время наступления султанских войск осенью 1914 г. симпатии к туркам были «Ачыг Созом» названы «трагедией», виновников которой газета желала «видеть... перед правым судом»... Защищая позицию царской России, которой политически было невыгодно разглашать фант перехода угнетавшегося им со времени русско-турецкой войны 1877-78 г.г. населения на сторону Турции, эта «патриотическая» печать изображает такой переход, как злой поклеп на мусульман.

«Какая же может быть речь об измене? Просто испугались люди и разбежались по лесам», — телеграфировал об этом батумский корреспондент газеты «Утро России».

«Читатели знают, — развизал эти же мысли Расул Заде в статье «Дела аджарских и карсских мусульман» (№ 17 газеты «Ачыг Соз» от 22 октября 1915 г.), — что на Кавказе, служащем театром военных действий, мусульмане не только были разграблены, лишившись насиженных мест и обезглавлены, как дубовицы, но подверглись еще большим и тяжелейшим бедствиям. Да, эти несчастные, лишившись всего своего имущества, были опорочены в патриотических чувствах своих. Аджар-

цы и живущие около Карса мусульмане были обвинены в переходе на сторону вражеской армии и в великой измене России».

Таким образом, — весьма справедливо замечает Климович, — по М. Э. Расул Заде, наибольшим бедствием карсских и аджарских мусульман было не их кошмарное разорение, но подозрение в измене с их стороны «патриотическим чувствам» по отношению к той деспотии, которая, русифицируя их край, сеяла среди них нищету и смерть в течение 36 лет своего господства».

Далее:

«Заверить русское самодержавие в том, что мусаватисты сделают все, чтобы не допустить возможности повторения подобной «неблагодарности» со стороны народов, униженных и ограбленных... — такова была задача редактора «Ачыг Соза». «Отныне, — писал он, — верность — неотъемлемое качество мусульман». (Стр. 320-321).

Вот подлинное лицо мусаватского экс-лидера, который теперь, уютно устроившись в одной столице, выезжает на своем «принципиальном» руссофобстве, одновременно закидывая удочку в другую, авансируя свое «стра-ашное туркофильство».

О других его «сногшибательных разоблачениях» о Г. Баммате, исходящих от меньшевицкого бюро, мы выскажемся в другой раз.

Пока что усиленно рекомендуем г. Расул Заде, в его бессильных попытках скомпрометировать своих политических противников, внять голосу этой характерной русской поговорки: «Чья бы корова ни мычала, твоя бы молчала».

И это во всех областях, куда бы выкидался г. Расул Заде в своем отчаянном стремлении опорочить других и облить себя.

ПАНИСЛАМИЗМ ПОД ОПЕКОЙ ЯПОНИИ

Под таким заглавием "Газета Польска" от 17 мая в передовой статье за подписью Отмара утверждает, что Япония проявляет большой интерес к мусульманскому миру.

По мнению автора:

«В расчетах Токио мусульмане являются силой, способной нейтрализовать соперничество Англии в Азии. Прежде всего речь идет о более чем 20-ти миллионах мусульман, живущих на Волге и в Средней Азии, а также около 10-ти миллионов мусульман в Западном Китае. Именно через этот край проходят караванные пути, связывающие Китай с Советами. Японцы предвидели это положение: главный путь советской нефти на Д. Восток направляется из Баку через Каспийское море и Туркестан-Сибирскую железную дорогу — через земли, населенные средне-азиатскими мусульманскими народами. Китайско-советские пути сообщения, которым не угрожают японские аэропланы, проходят через Китайский Туркестан. 80 проц. населения которого турки-мусульмане. Еще в 1923 г. Япония предоставила убежище многим выдающимся мусульманским деятелям, которые вынуждены были эмигрировать. При чем, это гостеприимство за последнее время приобретает все больше и больше своеобразный, можно сказать, активный характер. Несколько дней тому назад телеграммы сообщили о большом мусульманском конгрессе, состоявшемся в Токио с участием представителей 44 стран, исповедующих Ислам. На этот конгресс, между прочим, явились и представители трех независимых арабских государств: Ирака, Хеджаса и Йемена, а также представители египетского короля Фарука I. Политическое значение конгресса, принявшего очень острые резолюции против Советов, несомненно весьма важно, в особенности если принять во внимание упорное стремление Советов к приобретению симпатий мусульманского мира.

Эти стремления берут начало еще с 1920 года, когда по инициативе Ленина был созван «конгресс народов Востока» в Баку. Позже Москва делала все возможное, чтобы удержать за собой обманым путем присвоенную роль защитника «угнетенных, колониальных и полуколониальных народов». Она не постеснялась даже недопустимого с точки зрения коммунистической идеологии компромисса, как паломничество в 1930 г. в Мекку советского посланника в Хеджасе Тюркулова, по происхождению татарина, не говоря уж о постоянной поддержке Коминтерном арабской точки зрения в палестинском вопросе.

Несмотря на все это, ужасные религиозные преследования в сов. России, не пощадившие и Ислама, стали известными, через посредство посланников всему мусульманскому миру, и тем самым симпатии последнего оказались автоматически обращенными в сторону державы, которую совершенно правильно считают самой сильной соперницей Москвы на Азиатском континенте.

Это обстоятельство совпало с началом решительной развязки сов.японского соперничества, происходящей пока на китайской территории, а также и с выгодным для Японии восстанием мусульманских племен в Китайском Туркестане, направленным против местного китайского про-советского правительства, и его Московских опекунов.

Врожение среди народов Средне-Азиатских советских республик на почве религиозного и национального гнета, официально выявленное последним московским процессом, оправдывает расчеты Токио на то, что тамошние настроения разразятся в соответствующий момент в виде «священной войны» и затруднят перевозку нефти на Д. Восток, что в свою очередь свяжет возможность военных операций Москвы.

Все это является результатом импонирующей и дальновидной политики, основанной на глубоком понимании психологии народов Востока. В этом отношении Япония несомненно стоит выше своих соперников на Азиатском континенте.

Х Р О Н И К А

ИРАН И ЕГИПЕТ.

Из Тегерана сообщают о помолвке наследного принца Иранского престола с принцессой Февзие, сестрой египетского короля Фарука I. Во всей стране по этому случаю организованы народные торжества. Газеты с восторгом посвящают статьи радостному событию, а также ирано-египетской дружбе. Представитель правительства сделал сообщение о предстоящем бракосочетании парламенту, и о своей поездке в скором времени в Каир для окончательного оформления брака.

КРАСНАЯ АРМИЯ ОБЕЗГЛАВЛЕНА

Во время партийного съезда московского военного округа установлено официально, что командный состав округа, благодаря продолжающейся «чистке» оказался совершенно уничтоженным. До сих пор не замещены посты высших военных начальников. Вследствие этого около 90 проц. офицерского состава Московского военного округа поподнены кем попало на должностях командиров. Главный полк. комиссар красной армии Мехлис довел его до полного разложения увольнением всех офицеров, сотрудничавших с его предшественником Гамарником.

АЗЕРБАЙДЖАН.

«ЛИЦО» БУДУЩИХ «ДЕПУТАТОВ»

До 10 июня окружные избирательные комиссии зарегистрировали 310 кандидатов в депутаты Верховного Совета Азербайджана. В числе кандидатов — 239 мужчин и 71 женщина. По «партийности» будущие депутаты распределяются следующим образом: коммунистов 232, беспартийных 78. Впрочем, слово «беспартийный» тоже является относительным, так как среди этих 78 «беспартийных», насчитывается 27 комсомольцев.

Таким образом, население в три миллиона душ, среди коих коммунисты составляют ничтожество, будет иметь 51 депутата, тогда как правительство само «выберет» 259 «остальных». И это будет называться «самым демократическим парламентом в мире».

По национальности, сделан «жест»: громадное большинство азербайджанские турки, русских — 48, армян — 38, «других» — 9.

По профессии: рабочих с производства — 37, «колхозников» — 50, советских и хозяйственных работников (читай — чиновников) — 185, военных 10, учителей — 11, инженеров — 5, врачей — 4, артистов — 5 и писателей — 3.

СМЕРТЬ М. ДЖАФАРОВА

По полученным нами сведениям, в Баку скончался в начале июня, Мамед Юсуф Джафаров, бывший, одно время, министром иностранных дел Азербайджана.

Покойный, еще тогда молодой, испытал, оставшись в Баку после нашествия большевиков, не мало горя, а также и.. разочарований, будучи одним из тех азербайджанских политических деятелей, которые все еще были склонны верить в возможность сотрудничества с большевиками в политических целях.

Отказавшись от политики, он старался заниматься адвокатурой, но это его не спасло от разных подозрений и придиоров Чека, куда его «приглашали» не один раз.

Вся эта «преlestь» диктатуры пролетариата не осталась без следа для физического и нравственного состояния бывшего министра.

В до-революционное время, Джафаров представлял Азербайджан в Думе, во времена Керенского был одним из комиссаров Закавказья.

Мир праху!

АРМЕНИЯ.

— На состоявшемся на днях XI-ом съезде компартии Армении много «досталось» комиссару земледелия Саакяну, который «оторвался» от масс и не оказывал практической помощи районам в деле ликвидации последствий вредительства в сельском хозяйстве.

Значит, не сдобровать бедняжке.

— Пленум ЦК компартии Армении избрал первым секретарем ЦК Г. Арутюняна, вторым — Х. Акопджаняна, третьим — С. Гевондяна.

ГРУЗИЯ.

На недавно состоявшемся пленуме Тифлисского городского комитета партии, были произведены перевыборы бюро. Оказались избранными в секретари: Л. Берия, С. Ишханов и М. Джаши. Членами бюро: те же лица, плюс Чубинидзе, Мильштейн, Гвишиани и Варамия; кандидатами: Кобулов и Чануквадзе. Редактором «Вечернего Тбилиси» — Ананенко, «Муша» — Верулия.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

— Институт языка и «мышления» (есть и таковой!) им. акад. Н. Я. Марра, начал составление академического словаря осетинского языка. В словарь войдут 30.000 литературных и разговорных слов.

Известия передают, что «правительственная комиссия Северо-Осетинской АССР» закончила разработку проекта перевода осетинской письменности на русский алфавит. Это сообщение большевизкий официоз сопроводит следующим смехотворным комментарием:

«В свое время враги народа заменили в осетинской письменности русский алфавит чуждым осетинской культуре латинским алфавитом.

Латинизация осетинского письма причинила немало вреда. Она затруднила изучение родного языка в школах и тормозила развитие осетинской культуры».

После чего, большевизкий орган добавляет «на всякий случай»:

«Проект перевода осетинской письменности на русский алфавит единодушно одобряется широкими массами трудящихся Северной Осетии».

При таком уверении решится ли какой-нибудь скептик утверждать, что «широкие то осетинские массы» как раз и не были консультированы Москвой относительно интересующей реформы?

АНЕКДОТИЧЕСКАЯ СОВДЕЛИЯ.

Из Правды Востока:

На ташкентской областной конференции коммунистов помощник прокурора, Кухаренко, сообщил следующие факты, иллюстрирующие проявления пресловутого советского «демократизма»:

Вакбейтский исполнительный комитет вынес недавно постановление, в котором гово-

рится, что «граждане, не подчиняющиеся требованиям администрации кино, привлекаются к судебной ответственности как за хулиганство».

А вот Хавастский райисполком специальным постановлением обязал всех граждан поголовно принимать хинин.

Естари о советских администраторах. Сравнительно еще недавно мы прочли в бакинских газетах про одного председателя сельсовета — или колхоза — который оппугал одного колхозника за то, что принадлежащий этому последнему осел.. нарушил его послеобеденную сиесту своим криком.

А в Дагестане, налоговой инспектор облагал колхозников «по лицу глядя»: у кого здоровый вид, тот значит питается хорошо, следовательно, хорошо зарабатывает.. Впрочем, был еще случай, когда один колхозник, обложению не подлежащий, был все же обложен: налоговой инспектор узнал, что он пьет чай — предмет роскоши. Значит богат.

«ДОСТИЖЕНИЯ».

Недавно только, по случаю выборов в Азербайджане, «глава правительства», товарищ Теймур Кулиев, перечислял «достижения» страны под благодетельным советским режимом: 3.000 инженеров - азербайджанцев, сотни врачей и пр. и пр.

Прошло всего несколько дней, и нарком здравоохранения, товарищ (кстати, как обозначить этот почетный титул, если речь идет о женщине — «товарка»), Клубра (добавим просто: ханум) Фараджева, на последнем (14-ом) съезде Азкомпартии объясняет, что это за врачи, выпускаемые «сотнями» азмед-институтом. Она заявляет прямо, что врачи эти «неквалифицированные», что они насколько неграмотны профессионально, настолько же неграмотны вообще. Что они «не владеют своим родным языком и русского языка не знают». Что «есть врачи, которые не могут написать заявления на родном языке». Что врачи эти «выписывают рецепты с сильно преувеличенными дозами», вероятно полагая, что чем тянуть какую-нибудь микстуру по капельке, лучше уж сразу опрокинуть флакон, по методу г-жи Бекер.

О врачах мы осведомлены. Подождем другой случай, дабы осведомиться о способностях аз-инженера.